

Лунный воин

Анна Гурова

Громовая жемчужина

«Автор»

2008

Гурова А. Е.

Громовая жемчужина / А. Е. Гурова — «Автор»,
2008 — (Лунный воин)

Единственный уцелевший наследник Лунной династии Ким становится послушником монастыря Каменной Иголки. Однако враги, люди и демоны, преследуют его и в обители монахов. Ким еще не знает, что он — ключевая фигура в большой игре забытых кримских богов, цель которой — уничтожение империи.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Меч бессмертного.	14
Глава 2. Старец Чумон.	18
Глава 3. Путь на вершину.	24
Глава 4. В гостях у старицы Ямэн	29
Глава 5. Время отдавать долги.	36
Глава 6. Секреты Касимы.	41
Глава 7. Мастер Терновая Звезда.	47
Глава 8. Приятные воспоминания ночью у моря.	54
Глава 9. Полет в преисподнюю	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна ГУРОВА

ГРОМОВАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Пролог

Горная деревушка замечена снегом по самые крыши. Искрится нетронутый снег, рассеянный резкими синими тенями, прозрачен морозный воздух. Деревья на склонах белы от инея. На далеких вершинах гор Комасон, колдовским светом мерцают ледники. В такие вечера в деревнях поплотнее закрывают зимние деревянные ставни, разводят яркий огонь в очаге, садятся к нему поближе всей семьей, и так сидят допоздна, рассказывая заворачивающие страшные сказки о зимней нечисти. Но – только не здесь, в Сасоримуре, где страшные сказки стали явью. В домах свет не горит, не протоптаны дорожки в глубоких сугробах. Осенние ветра давно разорвали летние бумажные ширмы, многие крыши провалились, снег лежит в домах, очаги остыли навсегда. Люди покинули деревню много лет назад, в тот проклятый день в начале осени, когда из Скорпионьей долины вернулся мертвый Кагеру, лесной чародей-мокквисин, сопровождаемый демоном в обличье черного горного волка. Кто помог им восстать из пепла, обитателям Сасоримуры было неизвестно. Они просто сбежали в ужасе, оставив незапертые дома и необработанный урожай. А мертвец прошел в дом старосты – да там и обосновался.

В тот зимний вечер в глубине заброшенного дома старосты было как всегда промозгло и неуютно. Пахло старым костром, стены заиндевели, из углов веяло могильным холодом. Ветер, однако, внутрь не проникал, и тлеющие в очаге угли давали кое-какое тепло. Полумрак едва освещал масляный светильник. Мокквисин Кагеру, накинув на плечи старое ватное одеяло, сидел у очага за низким столиком, обложившись свитками и разрезными книгами, и читал древнюю рукопись, делая пометки и выписки. Сожженные пальцы уже неплохо слушались, но всё еще болели. Колдун то и дело кривился, но ни на мгновение не прекращал свою работу.

Неожиданно, не закончив фразы, он отложил кисточку, поднял голову и прислушался.

– К нам, похоже, гости, – сказал он вслух, обращаясь в темноту.

В сумраке бесшумно шевельнулась огромная тень.

– Не трудись, Тошнотник, – раздался голос на крыльце. – Не нужно меня встречать. Я сама найду дорогу.

В дом вошла юная девушка. Мотнула головой, стряхивая снег. Снежинки ледяными искрами блестели в ее черных волосах. На девушке была бедная крестьянская одежда: широкие холщовые штаны, просторная рубаша, полинялый ватник. Она была босиком, но непохоже, чтобы ее беспокоил холод. Несколько мгновений она стояла в дверях, глядя в упор на Кагеру золотистыми тигриными глазами.

– Так это правда, – прошипела она. – Ты не умер!

– Здравствуй, Мисук, – сказал Кагеру. – Рад тебя видеть. Я знал, что ты когда-нибудь вернешься. Проходи, погрейся у очага.

– Ха! Неужели ты думаешь, что я вот так подойду к тебе, мокквисин?

Оба они оставались неподвижными.

– Но ты уже пришла в мою деревню.

– Я могу уйти в любой момент. Попробуй-ка, поймай меня!

– А ты уверена, что никто не стоит сейчас у тебя за спиной?

Мисук не оглянулась, как втайне ожидал Кагеру. Она вообще не шевельнулась, только засмеялась.

– Да наверняка там уже кто-то стоит, – сказала она. – Небось, Тошнотник подбирается, или какой иной бес. И что мне до того?

Очертания Мисук вдруг задрожали, поплыли, словно отражение в капле воды, лицо погрузилось в синеватую тень. Кагеру поморщился, прикрыл глаза ладонью, как от резкого света.

– Понял? Захочу – появлюсь. Захочу – исчезну!

– А, вот оно что... Стало быть, ты теперь фея.

Мисук довольно улыбнулась, снова обретая четкую форму, сизая тень отступила.

– Мой отец, горный дух с Иголки, научил меня умениям, что людям недоступны. Этому и многим другим. Он хороший учитель. В отличие от тебя.

Кагеру не обратил внимания на мелкий укол.

– Итак, ты выбрала судьбу феи, – повторил он. – Помнится, у твоей матери были на твой счет совсем другие планы...

Мисук скорчила рожу.

– Ничего я не выбирала! Это всё вы: ты и мамаша. Да, она почему-то хотела, чтобы я стала человеком. Я никогда не понимала, зачем! Что в этом хорошего – стать такой, как она? Пусть она умна, хитра и ловко наводит мороки, но все равно останется безобразной старухой. Старость, болезнь, смерть, рабство – вот удел человеческой женщины!

– Не только, – заметил Кагеру. – Если бы не твое нелепое упрямство, я бы показал тебе, чем еще отличается судьба женщины от судьбы феи.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, думая об одном и том же.

– Проходи, Мисук, не топчись в дверях, – вкрадчиво повторил Кагеру. – Ты же сама наверняка знаешь, что я сейчас слишком слаб, чтобы удержать тебя здесь силой. Иначе ни за что бы сюда не явилась, будь ты хоть сто раз фея.

Девушка пожала плечами, прошла к очагу, скинула на пол ватник.

– Ну и грязь тут, – проворчала она, устраиваясь на плетеной циновке. – Сажа какая-то везде...Фу...

– Истинное удовольствие смотреть на тебя, Мисук, – сказал Кагеру, не сводя с нее глаз. – Каку бы рвань ты на себя ни напялишь, всегда грациозна... как кошка.

Мисук фыркнула.

– Именно так ты меня и одевал, когда я ходила у тебя в учениках. И все-таки, почему ты жив? – с жестоким любопытством спросила она, садясь на пятки. – Как это случилось? Я же своими глазами видела, как тебя сожгли! Или это был морок?

– Проверь, – предложил Кагеру.

Новая кожа, темная и шероховатая, туго обтягивала кости его черепа, черты лица восстановились еще не до конца, придавая колдуну пугающее сходство с засушенным трупом. Впрочем, Мисук было сложно смутить такими вещами. Поколебавшись, она придвинулась ближе и осторожно коснулась щеки колдуна.

– Чудеса, – пробормотала она, проводя пальцами по сожженной коже. – Плоть выросла заново! Ты не должен был выжить. Это чьи-то сильные чары...

Вместо ответа Кагеру расстегнул косой ворот рубашки.

– Смотри, – сказал он. – Видишь этот шрам под ключицей? Огненный демон, освободившись благодаря маленькому ублюдку Мотыльку, сначала переломал мне все кости, потом взял железную кочергу и проткнул меня насквозь. Пришпилил к опорному столбу, как стрекозу. Я был тогда еще жив. А потом дом сгорел – до углей сгорел, и я вместе с ним.

– И что было дальше? – деловито спросила Мисук.

– Я проторчал там несколько лет. Достаточно, чтобы пепелище превратилось в зеленый холм, а мой труп – в кучку почерневших костей. Затем демон вернулся...

– ...и вернул тебе жизнь. Вернее, дал займы. В счет будущих услуг. Так?

– Хм... Хотя ты и новоиспеченная фея, но в мотивах своих сородичей-демонов, вижу, разбираешься неплохо. Конечно, в свое время огненный демон потребует плату. Но, надеюсь, это произойдет нескоро. Пока я немошен и слаб, с меня взять нечего...

– Помнится, там был еще второй... Которого выловили из ручья. Доходяга Сахемоти. Что с ним?

– Понятия не имею. Освободился и ушел.

На самом деле все было далеко не так просто. Кагеру не забыл, что именно второму богу – или демону? – пошла в жертву – или в пищу? – его жизнь. Но говорить об этом Мисук он не собирался.

Мисук покосилась на свитки и футляры с книгами.

– Интересуешься, чем я тут занят?

Кагеру протянул ей первую попавшуюся рукопись. Мисук прочитала начало – и захихикала.

– «Повесть о двух влюбленных соснах»! Развлекаешься сказками?

– Это театральные пьесы, – серьезно ответил мокквисин. – Ты, наверно, и не знаешь, что в старину на островах Кириим существовал древнейший ритуальный театр?

Мисук небрежно бросила рукопись на кучу свитков.

– Мне до театра дела нет. Хватит пустой болтовни, колдун. У меня к тебе пара вопросов.

– Я давно жду, когда ты наконец перейдешь к делу.

Девушка обняла руками колени.

– Скажи, не знаком ли ты с неким... даже и не скажу наверняка, человеком, демоном или призраком... Выглядит он как уроженец Кириима, на вид лет тридцати, синеглазый, одевается в черное, на лбу клеймо императорской тюрьмы...

– Нет, не знаком, – после долгой паузы ответил Кагеру. – Вот удивительный вопрос, не ожидал. Клейменный призрак, надо же... А что он натворил, этот «демон или человек»?

– Он преследует Мотылька, – взглянув ему в глаза, сказала Мисук.

Как ни владел собой Кагеру, а все же при звуке имени Мотылька его перекосило от ненависти.

– Преследует? С какой целью?

– Я еще сама не поняла. То ли он пытается втравить его в неприятности, то ли наоборот, защитить. А может, у него свои цели, с благом или горем Кима никак не связанные. Я, по правде сказать, собиралась спросить тебя. Я сильно подозревала, что этот призрак – один из твоих слуг. Но теперь что-то засомневалась.

– Нет, это не мой слуга. И я не посылал его убить Мотылька по одной простой причине – я собираюсь прикончить его собственноручно.

– Речь вовсе не идет об убийстве, – сказала Мисук, внимательно наблюдая за своим бывшим учителем. – Этот клейменный тип... ты не поверишь, о чем он просил нашего малыша Мотылька. Он допекает его просьбами убить некоего Рея Люпина. Рей – приятель Кима, говорят, весьма одаренный юноша, но решительно ничем не примечательный...

– Рей Люпин? – повторил Кагеру. – Смутно припоминаю. Какой-то купеческий сынок, который решил стать монахом. О нем упоминал тот бедняга-гадальщик, как там его звали...

– Кушиура, которого ты убил, – насмешливо подсказала Мисук. – Сначала, само собой, выведав последние вести о Киме – с какой целью, очевидно. Да, я многое о тебе знаю. Не так уж ты слаб, как прикидываешься. Даже твой волчий демон по-прежнему тебе служит. Предупреждаю, – глаза девушки сузились, – даже не старайся навредить Мотыльку! Я этого не оставлю!

– Конечно, с таким защитником, как ты, не сравнятся все монахи Каменной Иголки. Парню будет, за чьей спиной укрыться, когда у монахов лопнет терпение и они выставят его

за ворота, – презрительно ответил Кагеру. – Не пойму, зачем ты возишься с этим несчастным Мотыльком?

Мисук торжествующе улыbnулась и нанесла последний удар:

– Я намереваюсь выйти за него замуж.

Кагеру треснул ладонью по низкому столику. Глиняный светильник подпрыгнул, едва не опрокинувшись, свитки и разрезные книги посыпались во все стороны.

– Зачем тебе Мотылек?! – рявкнул он. – Он просто мальчишка и ничего больше! Если бы я воспитал его, из него, возможно, могло бы получиться что-то путное. А Вольгван Енгон вырастил из него заурядного светского бездельника. Клянусь, такому ничтожеству даже мстить – себя не уважать...

– Да, ты бы мог его выучить, – перебила его Мисук, – только ведь ты предпочел принести его в жертву! Ты бы и меня мог выучить, если бы преодолел свою гнусную натуру. Для тебя любить – значит подчинить, сломить волю, превратить в послушную куклу, и никак иначе. А у Мотылька есть то, чего у тебя со всеми твоими умениями отродясь не бывало – простая человеческая жалость!

Голос Мисук оборвался. Довольно долго колдун и его бывшая ученица сидели молча. Наконец Кагеру сказал мрачно:

– Хорошо. Теперь у меня появилась еще одна причина его убить.

– Ха! Опоздал. Кима тебе не найти, он спрятан так, что его не найдут даже боги, и вовсе даже не в монастыре, а совсем в другом месте. К счастью, у него хватает сильных заступников.

– Если все они подобны тебе, – насмешливо сказал мокквисин, – то Мотылек расстанется со своей мотылиной жизнью еще до конца этого года. И я позабочусь, чтобы это расставание было нелегким.

Мисук вдруг придвинулась так близко к Кагеру, что он ощутил ее дыхание на своем лице.

– Как же! Ты превратился в ничто, сихан, – промурлыкала она, заглядывая ему прямо в глаза. – Вся твоя власть, вот она – пепел и сажа! Сидишь тут как паук и строишь козни, а сам не можешь повелевать даже собственным телом. Ты уже не тот учитель, что раньше, ты превратился в старую сморщенную ящерицу. Куда тебе до Кима! Знаю, ты желал бы задержать меня тут – так попробуй! Смотри, я совсем рядом!

В тот самый миг, когда руки колдуна были готовы схватить ее, она исчезла. И снова появилась из пустоты – на этот раз у дверей.

– Кстати, – словно бы вспомнила Мисук, натягивая поношенный ватник. – Тот синеглазый... который то ли демон, то ли призрак... он тоже сказал, что любит меня. Правда, забавно? И что даже смерть его не остановит. Но чья смерть, не уточнил. Вот тебе загадка – подумай над ней на досуге...

Мисук музыкально засмеялась, шагнула за порог – и пропала во тьме зимней ночи. Кагеру остался сидеть у столика, посреди вороха свитков. Голова у него шла кругом.

В тени возле двери, словно отсвет жаровни, блеснули две красные точки, затем из темноты появилась морда черного волка. Демон посмотрел вслед девушке и издал негромкий рык.

– Нет, Тошнотник, сегодня нам ее не догнать, – тихо сказал Кагеру. – Но ты не беспокойся. Она от нас не уйдет...

Он провел рукой по лицу, словно прогоняя сон, и принялся собирать рассыпанные свитки.

Мисук не обратила на них внимания, и зря. Сказки, легенды, пьесы... Никто не воспринимает их всерьез. А между тем именно они – самое надежное хранилище запретной памяти.

По крупницам Кагеру восстановил почти весь пантеон древнекиримских богов. Боги грома, огня, моря и луны, солнца и сева... Конечно, никаких имен – память о них была стерта имперскими чарами. Но нигде не было упоминания о том единственном боге, имя которого Кагеру знал.

Сахемоти.

...Страшнее той бури не помнили на островах Кирым. Несколько дней дул ветер с моря, пока не превратился в ураган. Ветер принес ливень, да такой, будто море встало на дыбы и набросилось на побережье. Океан превратился в адский котел, в царство смерти. И как будто мало было ветра с ливнем, началась гроза – это поздней-то осенью. Низкое серое небо почернело, в тучах вспыхивали сполохи, словно хищные глаза демонов. Глухой громовой раскат – и по дымным облакам к горизонту покатила огненная волна...

Святылище на горе Омаэ стояло у самого моря, ступени его парадной лестницы спускались к воде. Не будь оно на вершине холма, волны бы мгновенно разорили его, но и так храму приходилось туго. Крышу давно унесло, разбросало лазурные черепицы до самого Ниэно, внешние галереи рухнули, не выдержав натиска бури, однако до нижних ярусов море и ветер пока не добрались. Грохот волн и завывание ветра сливались в один монотонный рев, каменные стены содрогались от тяжелых ударов ветра. Ветер ли это? Или это молот царя преисподних разрушает святилище мятежного бога? Пусть бывшего, но непобежденного, и сдаваться он пока не собирался.

На первом ярусе святилища, лишенном окон, буря почти не ощущалась. Ровным пламенем горели светильники. Успокаивающе поблескивали в сумраке полированные колонны из темно-золотистой сосны, смолистые балки под потолком. Пятна красного и синего в глубине алтаря; отблески огоньков на бронзовых гадательных дисках – как будто ничего не изменилось. В темноте под сводом прятались от бури ласточки. Из алтарной ниши, из-за резной решетки внимательными человеческими глазами смотрел белый дракон – одна из ипостасей Сахемоти-но ками, бога, которому поклонялись в святилище Омаэ. В когтистых лапах дракона сиял символ его власти – бахромчатая звезда. Вокруг закрытого алтаря стояли фигурки-мусуби – «одушевленные», – изображения различных низших божеств. Маленькие кирымские боги – почти все они уже потеряли и власть, и имена.

Рядом с алтарем собрались жрецы. Их осталось всего пятеро – из восьмидесяти восьми. Прочие давно сбежали, спасаясь от гнева богов Небесной Иерархии и императорских войск. Жрецы сидели, опустив глаза, и каждый пытался казаться спокойным, чтобы подбодрить других. Никто не молился – молиться было поздно. Кирым захвачен. Официально объявлено – никакого государства здесь нет и не было. Вы – провинция империи; ваш властелин на земле – Великий Неименуемый, на небе – Господин Семи Звезд. Осталось только убедить в этом недобитых кирымских богов. Некоторые из них отличались редким упрямством.

Снаружи так грохнуло, словно небо обрушилось на землю. Жрецы вскочили на ноги, решив, что настал их последний час. Но гром прокатился по небу и больше не повторился; кажется, и буря пошла на убыль. Неужели кончено?

И тут в пропитанном благовонием воздухе раздался сухой пронзительный треск. Светильники мигнули, пламя на миг стало синим, храм погрузился в тень. Когда огни снова вспыхнули, в дверях появилась фигура в доспехах, окруженная облаком ядовитого дыма.

Обычный человек, не жрец, не смог бы увидеть того, кто появился в храме. Бог был высок и строен, с ног до головы закован в пластинчатые латы. Шлем с устрашающими крыльями закрывал пол-лица. Пластинчатые доспехи покрывал белоснежный иней. От фигуры веяло невыносимым холодом, даже не зимним – потусторонним. В руках бог держал пылающее копьё. Листовидный наконечник багровел изнутри, постепенно остывая. Бог разжал руку, – копьё упало на пол, – и равнодушно посмотрел на ладонь. Кожа на ней сгорела вместе с перчаткой.

Жрецы уже стояли, согнувшись в церемониальном поклоне. Старший из них выступил и начал торжественно:

– Приветствуем тебя, о Сахемоти-но ками, Копьеносец, Хранитель, удостоивший нас посещением...

Бог снял шлем. Его лицо было в крови и копоти.

– Куда это меня занесло? – хрипло спросил он.

– Святилище на горе Омаэ близ Ниэно, что на восточном побережье, о потрясающе-стремительный.

– Оставь эти титулы, жрец! Все кончено. Быстро уходите. Сейчас здесь будут боги Небесной Иерархии. От святилища камня на камне не останется...

– Все, кто хотел уйти, уже ушли, о потрясающе-стремительный, – с достоинством сказал старший жрец. – Мы останемся с тобой до конца.

Сахемоти махнул рукой и начал сдирать со второй руки сгоревшую перчатку.

– Это бессмысленно. Я ничем не смогу вам помочь.

– А мы тебе, о великий? – спросил другой жрец.

Бог невольно усмехнулся.

– Помочь *мне*? Если бы за мной по пятам не гналась смерть, я бы вас вознаградил за верность. Уходите в холмы, немедленно! Впрочем, я воспользуюсь вашим предложением: один из вас пусть останется.

– Все мы будем рады умереть за тебя! – слышались взволнованные голоса.

– При чем тут смерть?

– Ты хочешь наградить...

– При чем тут награда! – резко сказал Сахемоти, вытирая копоть с лица. – Всё, что могу пообещать – полная неопределенность. Доброволец может вернуться на землю через пятьсот лет, а может вообще не вернуться. Может получить ужасное посмертие. Куда пойдет его душа теперь, когда все развалилось и Долина Высокого Неба захвачена, я даже представить не могу. Я честно скажу – мне нужно только тело.

Взгляд Сахемоти пробежал по сухопарым фигурам жрецов.

– Причем желательно покрепче и помоложе.

Жрецы быстро посоветовались, и вперед шагнул один из них, худой и высокий, с правильным строгим лицом и светло-серыми глазами.

– Я самый младший, – спокойно сказал он. – Мне двадцать девять. Пусть мое тело послужит тебе во благо...

Снаружи снова грянул гром. И на этот раз святилище не выдержало натиска урагана. Ветер выбил двери, ворвался в зал и погасил светильники. Бронзовые гонги застонали сами по себе, воздух наполнился свистом и воем. Четверо жрецов еще раз поклонились и потихоньку исчезли за алтарем. В нижнем зале остались только Сахемоти и младший жрец. Сахемоти подобрал с пола копьё. Оно уже почти перестало светиться, едва рдея в темноте.

– Возьми, – протянул он его жрецу. – По его лезвию ты уйдешь в Годзен...

Младший жрец принял копьё, недрогнувшими руками вонзил его себе в живот и свалился под ноги Сахемоти. Небесное оружие не оставило раны. Душа ушла, тело осталось невредимым.

– ...и вернешься в Земную Заводь, когда тебя призовут моим именем...

Сахемоти, не отрывая взгляда от тела жреца, быстро и беззвучно сотворил заклания, соединяющие его дух и эту бrenную плоть. Надежды на успех мало – даже в лесу Вечного Утра, даже в человеческом теле боги Небесной Иерархии быстро найдут его и убьют окончательно. Это не выход, а всего лишь лазейка, отсрочка – на год, или на день, или даже на полдня... Но мало ли что может случиться за эти полдня!

Тем временем малиновое сияние копья распространилось на всё тело жреца. Несколько мгновений оно казалось созданным из одного только света. Потом тело задрожало – и растаяло в воздухе без следа.

– Доброго пути, – прошептал Сахемоти и протянул руку к копью. Но оно, словно истратив последние остатки силы, угасло, почернело и рассыпалось в прах в его руках.

– Ага! – раздался пронзительный, режущий уши женский вопль. – Вот он где спрятался!

– Бей его! – подхватил громоподобный бас. – Бей мятежника!

Ветер бесновался в стенах храма, разоряя богатое внутреннее убранство, обрывая завесы и терзая в клочья цветочные гирлянды. Но троем вошедшим не было дела до урагана. Ветер будто обтекал их; вихри клубились вокруг, не причиняя вреда.

Один из троицы выглядел как монах: строгая одежда, бритая голова, постное лицо. Непонятно только, как в его руке оказался меч. Второй, напротив, блистал золочеными латами, словно полководец на императорском параде. На голове его красовался шлем с плюмажем, с могучих плеч ниспадал багровый плащ. Надменное широкое лицо украшала черная борода. Третьей была обнаженная женщина, полускрытая дымным облаком. Сквозь ее угольно-черную плоть просвечивало пламя. На разрисованном магическими узорами лице горели свирепые желтые глаза. Прямо из руки вырастал многохвостый огненный хлыст.

Сахемоти выпрямился и мрачно взглянул на богов Небесной Иерархии. Надо же, какая честь – сам Хенму, имперский бог войны. И «монах» – Бессмертный Воитель – этот-то зачем? И демоническая охотница из огненной преисподней, с которой всё и началось. Поняв, что не справляется с мятежным богом одна, она поступилась гордостью и вызвала подмогу.

– Берегитесь копья Хранителя! – раздался голос «монаха».

Демоница ответила хохотом из облака дыма.

– Он безоружен, – она улыбнулась, сверкнув длинными клыками. – Копье сторело. Что, надеялся скрыться в храме, киримец? Думал, мы тебя здесь не найдем? Вот это я люблю – травить вас по углам, как крыс!

– Долина Высокого Неба капитулировала еще вчера, – раскатистым басом заявил бог в роскошных доспехах. – Твои родственники признали поражение!

– Я и без вас это знаю, – проворчал Сахемоти.

– Тогда почему трепыхаешься? – демоница щелкнула по полу огненным хлыстом.

– Да вот хотел посмотреть, кого ты еще позовешь на помощь, охотница. Не знаю, хватит ли у вас сил, чтобы втроем расправиться с безоружным. Может, послать за Господином Семи Звезд?

Огненный хлыст в руке демоницы вспыхнул багровым пламенем, оцетинился иглами...

– Подожди, – ровным голосом сказал Бессмертный Воитель. – Где второй?

– Да, – подхватил Хенму. – Где бог грома?

– Каминари? Он упал в море.

– Это я его сшибла на лету, – гордо заявила охотница. – Слыхали, как бабахнуло?

– А мне показалось, что он бросился в море сам, – возразил Бессмертный Воитель. – Это неспроста...

Демоница зажмурила удлинённые огненные глаза и принялась. Из ее ноздрей вырвались язычки пламени. Бессмертный Воитель поморщился и постарался встать так, чтобы адская охотница оказалась от него как можно дальше.

– Я его не чую! – объявила она. – Существа по имени Каминари больше нет на этом свете.

Сахемоти мысленно перевел дух. Больше всего – гораздо сильнее, чем за собственную жизнь, – он боялся, что боги не поленятся и отправятся в Донную страну искать останки Каминари. Это означало бы конец всего.

– Давайте уж скорее покончим с этим мятежником, – сказал Хенму. – Что-то я устал. Подавлять бунты – такое утомительное занятие...

– Отправьте его в Надзвездную Тьму, – предложил Бессмертный Воитель. – Оттуда не возвращаются даже высшие боги.

Хенму поднял взгляд к потолку и тяжело вздохнул.

О-хо-хо, опять тащить его наверх? Давайте лучше вышвырнем его на Обратную Сторону кратчайшим путем.

– Как это?

– Да через океан!

– Как бы он не ускользнул по дороге, – сказал Бессмертный Воитель. – Смотрите, здесь ему поклонялись как морскому дракону.

– Дайте-ка мне! – азартно воскликнула демоница. – Сейчас я лишу его возможности ускользнуть... куда бы то ни было!

– Подожди, охотница, надо исполнить ритуал.

Хенму протянул руку и достал из пустоты огромную алебарду. Оружие распространяло красновато-золотистое сияние. Оно озарило могучую фигуру бога войны, придавая ему торжественный и зловещий вид.

– Умри, мятежный дух, – возгласил он, обращаясь к Сахемоти. – Приговор тебе вынесен и обжалованию не подлежит. Да не будет тебе ни надежды, ни избавления! Имя твое да будет забыто во веки веков!

– И вам того же, – пожелал Сахемоти.

Сахемоти закрыл глаза и погрузился в вихрь мест и времен, стараясь отрешиться от тела и его боли. Боги могут делать с ним всё, что угодно – его нынешняя оболочка больше не имеет значения. Миры, в которых он правил... Храмы, где ему поклонялись... Все обличья, в которых он приходил к людям... Ипостаси и воплощения мелькали в его памяти и исчезали, словно брошенные в огонь свитки. Сахемоти будет жить, пока живы люди, которые его помнят. А что будет потом?..

Наконец на него обрушился удар адского хлыста: разрывающий душу и тело, ломающий кости и волю.

Боги работали быстро и грязно. Сахемоти доставил им немало беспокойства, и в другое время они занялись бы его уничтожением более вдумчиво и тщательно. Даже у обычного колдуна не так-то просто исторгнуть душу из тела, чтобы потом она не вернулась отомстить. Но сейчас было особое время. Свод небес Кирима обрушился, по хоронив под собой побежденных богов. За последние месяцы в небесных битвах их погибло несчетное множество. Даже сильнейшим не дано плыть против водопада.

Комком обожженной плоти Сахемоти был брошен в бушующие волны Тайхео. Он медленно опускался на дно, в холодную темноту. Еще немного – и он станет всего лишь развоплощенным духом, выкинутым в хаос. По крайней мере, именно на это рассчитывали боги Небесной Иерархии. Сахемоти надеялся, что его дух отправится в другое место, и ждал смерти так спокойно, как позволяли обстоятельства.

Но всё изменил случай. Из темной толщи воды возник белесый силуэт огромной твари. *Вани*, прожорливый и безмозглый хищник, привлеченный запахом крови, кружил вокруг растерзанного бога. Сначала Сахемоти воспринял его появление равнодушно, но внезапно ему пришла в голову мысль. Вместо того, чтобы возрождаться в ненадежном человеческом теле, в непонятно каком мире – почему бы не остаться в море? Найти место, куда упал бог грома, и сторожить его. Сколько угодно, до лучших времен. Ведь рано или поздно они наступят...

Трое богов стояли на крыльце храма, наблюдая за морем. Демоница восторженно сказала и потянула ноздрями соленый воздух.

– Он умер! Существа по имени Сахемоти больше нет, – удовлетворенно сказала она.

– Прекрасно. Работа закончена, уходим.

– Ага, только напоследок я доломаю этот храм. Чтобы и камней от него не осталось!

Дрогнула земля. Подземный толчок повалил каменные стены. Ураган гнул и ломал сосны на окрестных холмах.

В глубины Тайхео, прочь от берега, уплывал огромный вани.

Глава 1. Меч бессмертного.

Статуя Бессмертного Воителя была главным украшением парадного храма монастыря Каменной Иголки. Терракотовая фигура в полтора человеческих роста возвышалась над молящимися, внушая им трепет и осознание собственного ничтожества. Разрисованное лицо Бессмертного Воителя щерилось устрашающей ухмылкой, глаза налились кровью, волосы от гнева поднялись дыбом. Вздумай он навестить храм, едва ли узнал бы в этой фигуре себя.

Статуя была не только раскрашена, но и одета в обычную одежду, и даже вооружена: на ее боку, поверх запылившегося парчового кафтана, виднелся меч в изукрашенных деревянных ножнах. Ножны – крикливые и аляповатые, но рукоять меча выглядела многообещающе. Один ее вид дразнил Кима, истосковавшегося по оружию.

В алтарь лазать запрещалось. Впрочем, если никто не увидит...

– Я просто посмотрю, – промурлыкал Ким, оглянувшись, убедился, что в храме он один, и перешагнул через светильники. Три плоские ступени, на каждой – несколько рядов свечей, охраняющих алтарь от злых духов. И вот Ким уже возле статуи.

– Прости меня, бессмертный. Надеюсь, я не слишком тебя побеспокоил...

Ким вытащил меч из ножен. Повертел в руках, ухмыльнулся. Так он и думал: то, что издалека выглядит волшебным, вблизи – дешевка, увитая выцветшими тряпками и медными бусинами. И клинок так себе, выдававший виды – тусклый, выщербленный. Ким пощелкал по лезвию, покачал меч на ладони, сделал резкий выпад.

– Я – Бессмертный Воитель! Бойтесь меня, демоны!

Еще взмах, еще выпад. Тело с удовольствием вспоминало старые уроки – то, чего Киму так не хватало в монастыре. Он прикрыл глаза и ловко заскользил между светильниками. Лезвие завертелось, засверкало, словно стрекозиное крыло. Тень юноши дробилась, повторяя его движения – в полированном дереве, в бронзе и глазури, на стенах и на потолке.

Ким вскочил на верхнюю ступеньку алтаря и застыл в картинной позе, подняв меч над головой. Он представил, что стоит на вершине Каменной Иголки. Выше него – только голубые поля, владения Господина Семи Звезд, даже облака остались где-то далеко под ногами. Еще ниже – ледники и снежные пики, лесистые отроги гор, стены и башни монастыря. Он – бессмертный Воитель. Никакое зло не укроется от его взгляда. Враги Небесной Иерархии будут повержены...

– Ким, ты что здесь делаешь?!

Ким моргнул, оступился и повалил несколько светильников. В дверях храма стоял Рей, его побратим и духовный наставник, глядя на него с изумлением.

– С ума сошел?

– Я просто хотел взглянуть на меч...

– Слезай оттуда быстро! Нет, сначала верни на место меч! Да как ты вообще посмел к нему прикоснуться!

Ким пожал плечами, убрал меч в ножны на поясе статуи и принялся расставлять поваленные светильники.

– Эта ржавая солдатская сабля – позор для Бессмертного Воина, – проворчал он. – Если уж нацепили на статую меч, так хоть достали бы клинок получше...

– Ухаживать за мечом Бессмертного Воина – не твое дело.

– Если не мое, то чье же? Можно подумать, тут кто-то кроме меня хоть немного понимает в оружии!

Рей вздохнул.

– Тебя не переспоришь. Повезло тебе, что вошел я, а не кто-нибудь еще. Я видел настоятеля – он шел как раз в нашу сторону с каким-то скитником. Если бы он застал тебя в алтаре,

ты бы так легко не отделался. Самое меньшее, провел бы тут всю ночь на каменном полу, распевая каноны...

– Да уж, повезло, что мой наставник именно ты, – охотно согласился Ким. – Хотя здесь все ко мне очень добры. Разве что настоятеля я как-то побаиваюсь – но он больше похож на небожителя, чем на человека... А вот скажи, Рей: если Бессмертный Воитель – покровитель нашего монастыря, почему мы почти не упражняемся с оружием? Только эти бесполезные танцы с посохами...

– Ты видел меч? – перебил его Рей. – Держал его в руках? Не думаю, чтобы он годился для настоящего боя. Этот меч – не более чем символ. Монах тоже воин, только его враги не от мира сего. Демонов не уничтожить железом...

– Да как тебе сказать, – пробормотал Ким.

О демонах он знал побольше Рея, и не понаслышке, однако спорить не стал.

– Колдуны и ведьмы стремятся заставить бесов служить себе, – продолжал Рей. – Наша цель другая. Не внешнее могущество, а внутреннее. Обрести источник силы в себе самом и обратить его против нечисти. Говорят, иные бессмертные могли уничтожить демона, просто показавшись ему...

Стук и шарканье шагов отвлекли их от разговора. В храм рука об руку медленно вошли два старых монаха – наверно, старейшие на всей Каменной Иголке. Оба они своей худобой напоминали голодных духов, но на этом сходство между ними заканчивалось. Спина первого была идеально прямой, а походка – легкой, второй же скрючился чуть ли не до пола. Первый был бледен до прозрачности, как призрак или человек, годами не выходящий на солнце, а сморщенная кожа второго была темной, пятнистой и бородавчатой. Первый старец был укутан в просторную черную рясу, напоминавшую крылья летучей мыши, из рукавов которой выглядывали только кончики его пальцев. Одевание скрюченного напоминало старый прохудившийся мешок, а с пояса свисало множество мешочков поменьше, источающих неаппетитные запахи. Первый был настоятелем монастыря. Второго побратимы видели впервые в жизни. Рей внимательно присмотрелся к нему и на всякий случай низко поклонился. Скрюченный старец на приветствие не ответил, только взглянул на него исподлобья и буркнул:

– Ну, и которого из этих бестолковых юнцов хотели мне показать?

Рей выпрямился, оскорбленный до глубины души. Ким отвернулся, давясь смехом. Настоятель остался невозмутимым.

– Вот брат Рей, образованный и твердый духом молодой человек. Я верю, когда-нибудь он принесет славу Каменной Иголке...

– А второй?

– Ким, послушник. Не обращайтесь внимания. Он в монастыре всего третий месяц...

Скрюченный старикашка тут же уставился на Кима, как хозяйка – на кусок мяса на рынке. Настоятель тихо сказал, обращаясь к Рею:

– Почтенный Чумон выразил желание выбрать себе ученика, и я решил рекомендовать тебя.

– Так это и есть тот самый скитник Чумон? – прошептал Рей, взглянув на грубого старика новыми глазами. – Я ни разу не видел его, хотя живу здесь уже больше десяти лет...

– Старец не часто жалует нас своими посещениями...

– Что ж, с виду этот мальчик вполне годен к тяжелой работе, – прокаркал старик. – Сильные руки, крепкая спина – чего еще надо? Я его беру.

Настоятель и Рей удивленно взглянули на старца. Потом настоятель догадался, в чем дело.

– Послушник Ким, ты удостоен необычайной чести, – сказал он торжественно. – Преподобный Чумон берет тебя в ученики.

Ким, ничего подобного не ожидавший, в ужасе уставился на старца.

– Но ведь мой наставник – Рей!

– Твой наставник – вот этот почтенный старец, – холодно сказал настоятель, слегка кланяясь скитнику. – С этого мгновения ты будешь жить в его скиту и делать то, что он скажет. Ким бросил на Рея отчаянный взгляд. Тот нахмурился и отвернулся.

– Брат, что же это творится? – воскликнул Ким, когда храмовые двери закрылись за скитником и настоятелем. – Почему я должен служить этому грязному старикашке?

– Ох, помолчи, – мрачно сказал Рей. – Вечером я поговорю с настоятелем. Нас, кажется, снова перепутали. Будем на это надеяться. Не то чтобы я так уж хотел идти в ученики к преподобному Чумону, но...это просто оскорбительно!

– Это уж точно! Отдать меня какому-то золотарю! Ты заметил, как от него воняло?

– Нет, почему он выбрал тебя? Настоятель же ясно сказал, что рекомендовал меня!

– Может, старикашка подслеповат? – Ким вздохнул и добавил уныло. – Да уж, не такого я ожидал, когда собирался с тобой в монастырь...

– Чего ты ожидал? – угрюмо спросил Рей. – Что тебя встретит лично Бессмертный Воитель?

– Смейся, если хочешь – да, чего-то в этом роде. Я думал, монах – это тот же бессмертный, только пока во плоти. Такой, знаешь, важный, отрешенный от мира...

Рей язвительно усмехнулся.

– ...окутанный вуалью нездешних тайн, облеченный божественной властью, знаток тайных писаний, гроза демонов...

– Вот-вот!

– Короче, наш настоятель.

– Или ты.

– Ну, спасибо.

– В общем, ты понял, чего я ожидал. А вместо этого мне подсовывают – ну, ты видел, кого. Что ты ухмыляешься?

– Ты обижен, что преподобный Чумон не похож на идеального монаха из твоих мечтаний?

– Да он вообще не похож на монаха! Знаешь, на кого он похож? На деревенского нищего! Во дворец Вольсон такого оборванца дальше кухни бы не пустили...

– А тебе придется ему прислуживать, – с деланным сочувствием заметил Рей. – Бедный княжич Енгон!

Ким надменно выпрямился.

– Разве я когда-нибудь уклонялся от своих обязанностей? «Дабы обрести способность повелевать, сначала научись выполнять приказы», – как выразился воитель Облачный Ветер. Но угождать какому-то вонючему, наглому старикашке... который даже не потрудился спросить, как меня зовут...Наверняка он нарочно отселился подальше от монастыря, чтобы не позорить его своими лохмотьями...

– Ты, наверно, не знаешь, что на долю снадобий и лекарств, которые готовит старец Чумон, приходится чуть не половина доходов монастыря?

Ким смутился, но ненадолго.

– Допустим... А мне-то что до этого? Я разве учеником в аптеку нанялся?

– Как знать. Вдруг ты не выдержишь и сбежишь отсюда? Так у тебя будет вполне уважаемое ремесло.

– Холопское занятие – смешивать разное сушеное дерьмо!

– Разве ты собираешься вернуться к своему опекуну?

Ким нахмурился и ничего не ответил. Хотя шел уже четвертый месяц, как он поступил в монастырь, он все никак не мог привыкнуть к мысли, что за ту ночь, что он проспал в пещере

у горной ведьмы, для всех остальных прошло десять лет. И что Рей уже давно не тот восторженный начитанный юноша, с которым они вместе удрали из дома, а совсем другой человек. Что касается дяди Вольгвана, он наверняка давно забыл своего беглого приемыша. Кто знает, что могло случиться в мире за десять лет!

Рей, заметив, что Ким загрустил, перестал усмехаться и почти ласково сказал:

– Понимаю, братец, тебе и так непросто в монастыре, а тут еще старец... Не сдавайся! Всё это лишь вопрос времени и привычки.

– Просто ты совершенно другой человек, – проворчал Ким. – Даже странно, что нас всё еще принимают за братьев – кажется, двух более несхожих людей не найти. Ты создан для монашеской жизни, это ясно. А я...

– Однако старец Чумон выбрал именно тебя. Ты не понимаешь, какая это честь. Старцу уже больше ста лет, а он прежде всегда отказывался взять ученика, как его ни уговаривали. Честно сказать, я не понимаю причин его выбора. Если только он в самом деле нас сослепу не перепутал...

– Конечно, перепутал! Надеюсь, до старца это тоже скоро дойдет.

– Знаешь, главное, что ты здесь, на Каменной Иголке, а остальное не важно.

– Я просто брал пример с тебя.

Рей добродушно улыбнулся.

– А я думал, что ты был увлечен, так же, как я. В ту пору я искренне считал, что судьба монаха – это предел мечтаний для кого угодно.

– В ту пору? А сейчас, через десять лет, ты так не считаешь? – с любопытством спросил Ким. – Вот еще, давно хотел тебя спросить – ты добился того, чего хотел?

Рей задумался.

– Да, – сказал он, взвешивая каждое слово. – Монашеская жизнь изменила меня, и, смею надеяться, к лучшему. Я узнал о таких вещах, о которых раньше и понятия не имел. Прежние цели теперь кажутся мне наивными и нелепыми.

– И бессмертие тоже? – удивился Ким. – Ведь твоя главная цель была – стать бессмертным?

– Это всё детские мечты. От бессмертия я так же далек, как и десять лет назад. А может, даже дальше.

– Тогда зачем всё это надо? – разочарованно протянул Ким.

– Вот пройдет десять лет, и поймешь, – чуть смешавшись, сказал монах. Киму, впрочем, показалось, что Рей просто не нашелся, что ответить.

Глава 2. Старец Чумон.

Изнутри монастырь Каменной Иголки совсем не такой, каким он представляется мирянам. Он – как ученая книга в нарядном футляре, или как спелая луковица. А больше всего похож, пожалуй, на женскую шкатулку-обманку, когда в большой шкатулке – вторая, поменьше, а во второй – третья, еще меньше, а в третьей – самая маленькая, в ней-то и лежит единственный драгоценный перстень.

Обычным паломникам, которые чувствуют себя героями-покорителями вершин, преодолев ступенчатую горную тропу, покажут только внешний двор монастыря и главный храм с лазоревыми колоннами, с многоярусной крышей под золоченой черепицей. Там вход охраняют раскрашенные демоны-стражи с огненными мечами, в алтаре, за тридцатью тремя рядами свечей, стоят верховные боги Небесной Иерархии в парчовых нарядах. Богослужения проходят там только по большим праздникам.

Если гость – монах из другого монастыря, или мирянин, прибывший по делу храма, или курьер из Небесного Города, его пустят за стену, во второй двор. Там – маленькая гостиница, кельи тех монахов, которые заняты делами хозяйства и управления, а дальше – мастерские, кладовые, и прочие постройки, без которых даже в монастыре не обойтись. Дальше – второй храм. В нем нет ни лазури, ни позолоты, ни раскрашенных статуй, только темное резное дерево и полированный камень. Зато там хранятся свитки и таблички – мудрость и память Каменной Иголки, – а службы идут пять раз в день, поддерживая связь с невидимым.

Дальше, за вторую стену, не пустят уже никого из гостей. Да там, в общем, и смотреть на что. Просто маленький ухоженный сад над бездной. Оттуда ведут дорожки в скиты. Одни – шириной в шаг по скалистому гребню, другие – перекинутые через пропасть мостки, а третьи – и вовсе две натянутые веревки (по одной идти, за другую цепляться). В скиты позволено ходить только настоятелю; остальным монахам – по приглашению отшельников. Скиты-то и есть истинное средоточие Каменной Иголки, ее тайные духовные мастерские.

Есть и третья стена. Но она невидимая. Мало кто из монахов о ней знает, а ходят за нее вообще единицы. Трудно за нее попасть, а вернуться еще труднее.

Киму, впрочем, о третьей стене знать было еще не положено.

Келья, где жили Ким с наставником, – крошечный глиняный домик под черепичной крышей, – прилепилась к каменному утесу, который поднимался, словно остров, над розоватым маревом утреннего тумана. В прозрачно-голубом небе плыла огромным имперским парусником снежная вершина Иголки, снизу, из долины, тянулись к небу кроны сосен. Издалека доносился приглушенный звук гонга – в монастыре уже начиналось время утренней службы. Ким, накрывшись вытертой волчьей шкурой, крепко спал. Казалось, едва успел сомкнуть веки, как из-за двери раздался скрипучий старческий голос:

– Вы на него посмотрите – спит среди бела дня!

Ким, делая вид, что не слышит, свернулся клубочком. Отшельник выделил ему от щедрот две шкуры волков, скончавшихся от парши, наверно, еще во времена Желтого Государя. Нижняя шкура до того истерлась, что через нее кололись сосновые ветки, служившие матрасом. Каждый раз Киму казалось, что никаким силам не вытащить его из постели. Но стоило появиться маленькому старикашке с большой палкой...

– Жабы не кормлены, а он валяется! А ну-ка вставай!

По келье ядовитой волной распространилась вонь зелий. Эх, знали бы хорошие люди, которые золотом платят за чудодейственные средства старого монаха, *из чего* он их готовит!

Преподобный Чумон напоминал Киму идолище, какие ставили на его родине у околицы, чтобы отпугивать злых духов: слегка обтесанный деревянный столб и страшная рожа наверху.

Тощие кости, на которых, кажется, ни крошки мяса не осталось, прикрыты потрепанной рясой, длинная тонкая борода заплетена в косу и заправлена за пояс. На поясе полотняный мешочек, в нем кто-то шевелится, – и храни нас бессмертные! – кажется, шипит.

– Крупу вчера принес?

– Принес, – буркнул Ким, выбираясь из-под шкуры.

– Тогда ступай на ручей, к жабьему садку, – содержимое сумки явно занимало Чумона гораздо больше, чем ленивый послушник. – По дороге наловишь червей – белых, да пожирнее. Накормишь жаб, принесешь воды...

Холстяной мешочек с треском лопнул, и наружу вывалилась маленькая гадюка. Ким застыл с поднятой ногой, стараясь не дышать. Гадюка шустро проползла мимо него и спряталась в его постели.

– А ну назад! – рявкнул Чумон.

Под шкурой послышалось злобное шипение. Змея высунулась и медленно, неохотно проползла обратно.

– Быстрее, быстрее! – подбадривал ее старец. – Почти новую сумку порвала, ишь, шустрая зараза. Мальчик, потом зашьешь.

Гадюка подползла к ногам старца, покорно ожидая своей участи. Чумон поднял ее с земли за хвост. Ким наблюдал за ними, как зачарованный.

– Ну что встал? Малый Утренний Канон выучил?

– Да, – пробормотал Ким, бочком протискиваясь в дверь мимо наставника.

– Опять «своими словами»?

– Наизусть!

– Сколько от него шума, – пробормотал Чумон, утрачивая к Киму интерес.

Ким, щелкая зубами от холода, спустился с крыльца.

– Шевелись! – Чумон подбодрил послушника посохом так, что тот чуть не свалился с утеса. Повесив на шею ведро – бамбуковое колено на ремне, – Ким полез по крутой деревянной лестнице вниз, в туман.

В лесу было в точности как в храме. Стволы сосен – призрачные колонны, туман – дым курений. Ручей – тот самый, который водопадом низвергался со скал возле тропы, – здесь, в верховьях, можно было с легкостью перепрыгнуть. Ким наспех умылся, зачерпнул воды бамбуковым коленцем и пошел дальше, поглядывая под ноги. Вскоре он нашел подходящее место, оторвал полоску дерна и занялся ловлей червяков. Чумон настаивал, что жабам полезнее теплая пища, а потому послушник должен отогревать червяков во рту. Но, к счастью, наставника рядом не было, и Ким просто зажал пойманных червей в кулаке.

Ниже по течению ручья отшельник устроил садок, где обитали огромные жабы особой ядовитой, – или, по словам старца, лечебной, – породы. Когда твари злились или пугались, на их спинах выступала белая ядовитая слизь. Чумон со всеми предосторожностями собирал ее костяной ложкой и хранил как величайшую драгоценность.

Жабы уже проснулись и негромко перекликались, квакая и булькая. Увидев Кима, умолкли и дружно уставились на него.

– Приятного аппетита, красотки, – он высыпал извивающихся червей во влажную грязь садка. Жабы одна за другой неспешно поскакали к пище. Ким развлекался, наблюдая, как они быстро выхватывают друг у друга лучших червей, ни на мгновение не теряя важности. Внешность тварей как всегда напомнила ему горную старицу Ямэн. Не отсюда ли она натаскала жаб, собираясь устроить Киму смотрины в Чигиле?

Надо сказать, Ким довольно часто вспоминал о горной старице. На следующий же день после поступления в монастырь он перелез через стену и отправился на поиски ведьминоного логова. Но ничего не нашел. Даже старухин пруд как сквозь землю провалился. Ким повто-

рил попытку трижды, пока его не поймал Рей. «Ты едва спасся от горной ведьмы, и снова ее ищешь! – ругался побратим. – Разве ты не понимаешь, что она завлекает тебя чарами? Хочешь потерять еще десять лет жизни?»

Здесьние монахи о бабке знали, но никаких отношений с ней не поддерживали. Кое-кто, – в том числе, конечно, и Рей, – считали, что старой ведьме в священной долине не место, и предлагали принять меры к ее изгнанию. Неожиданно Киму стало интересно, как относится к сомнительной соседке преподобный Чумон. Может, они и нашли бы общий язык?

– Ну что, жабы? – спросил Ким, усаживаясь на корточки возле ограды садка. – Что мне делать с моим старцем? Попытаться договориться? А как, скажите, договоришься с человеком, для которого я – пустое место? Который третий месяц зовет меня «мальчик», как будто у меня имени нет. Видели, как он ходит, уткнувшись носом в землю? Я-то поначалу думал, что его от дряхлости так согнуло, а потом дошло – он все ищет, не подвернется ли что-нибудь подходящее для снадобья. А поскольку я ему для снадобья не подхожу, то и пользы от меня никакой. Даже червей во рту греть не умею...

Жабы копошились в садке. Ким размышлял. В последнее время его все чаще посещали мысли о том, чтобы уйти из монастыря совсем. Вот только куда?

«Да и Рей за меня поручился, – думал Ким. – Если я брошу монастырь, он потеряет лицо. Нет, лучше подождать. Рано или поздно Чумон меня выгонит, и, глядишь, Рей сам предложит мне уйти. Пусть уж лучше всё пока идет своим чередом».

Была и еще одна причина, по которой Ким не особенно торопился уходить из монастыря. Он понятия не имел, что делать потом и куда податься. Наверняка его все давно забыли. Никто его не ждет, никому он не нужен. Разве что...

И мысли Кима привычной дорожкой вернулись к горной ведьме и ее дочери. В конце концов, они это устроили.

«Старуха не хочет, чтобы я сам ее искал, это ясно. Иначе она не прятала бы от меня свой пруд. Но если то, что она говорила, правда... и желтоглазка действительно в меня влюблена... Какая она красивая! А я обидел ее... – Киму вспомнилось их последнее свидание на монастырской тропе. – Кажется, это было совсем недавно. Впрочем, если старуха не соврала, и отец ее дочери – горный дух, то ей что десять лет, что десять дней, безразлично.»

«Уймись, Ким! – решительно приказал он себе. – Перестань думать о девушке – ты же все-таки почти монах. Она сама тебя найдет, вот что. Если захочет».

Киму часто вспоминалась удивительная история о девушке, превращенной в кошку, которую рассказала ему старуха на обратном пути к часовне. В отличие от покойного Кагеру и его демона-волка, который кошмаром являлся Киму гораздо чаще, чем тому бы хотелось, о Мисук Ким почти забыл. В памяти осталось только смутное воспоминание о кошке, которая царапалась, как тигрица, и не боялась никого, кроме сихана, а Кагеру насмешливо хвалил ее за упрямство и строго запрещал мальчишкам-ученикам обижать ее. Да – это право он оставлял за собой.

– Если даже дочка ведьмы и есть Мисук – что с того? Ведь учитель Кагеру мертв, – вслух рассуждал Ким. – Что бы там ни говорила старуха, никто еще не возвращался обратно из Нижнего мира. По крайней мере, во плоти. А призрак... Эка важность, призрак! Здесь, на Иголке, ему до меня не добраться...

Задумавшись, Ким не заметил, что жабы перестали есть и смотрят на него так внимательно, будто в самом деле что-то понимают.

– Чего вам? – удивленно спросил он.

Жабы молча собрались кружком прямо возле его ног. Ким запоздало вспомнил, что малейшее прикосновение жабьего яда к коже грозит немедленной смертью. Самая крупная бородавчатая жаба, ковыляя, выползла вперед, надула горло и издала раскатистый утробный

звук, больше всего похожий на сытое рыгание. Ким на всякий случай отскочил от садка. Вслед за первой жабой заквакали и все остальные.

– Зря стараетесь, я все равно вас не понимаю.

Ким вытер руки о штаны и понес ведро к часовне.

Личная часовня преподобного Чумона была не часовня, а одно название. На самой вершине утеса, где стояла келья, располагалась квадратная площадка на сваях. Над ней нависала хлипкая остроконечная крыша на четырех столбах. Крыша предназначалась не для людей, а для небольшого алтаря Бессмертного Целителя – покровителя лекарей, бальзамировщиков и чучельников. Шириной площадка была такова, чтобы уместиться рядом двоим, на коленях.

«Хоть бы огородили ее заборчиком, – подумал Ким, взбираясь с ведром на шее на вершину утеса. – Свалишься с края, костей не соберешь...»

Чумон был уже в часовне – сидел на полу, скрестив ноги, так спокойно, словно и не в паре шагов от бездонной пропасти.

– Что так долго возишься? – проворчал он, оборачиваясь. – Давай сюда воду. Как там жабы?

– Жрать не хотели. Я им таких червей насобирал, что пальчики оближешь. А они окружили меня – и давай квакать. Может, заболели? – с надеждой предположил Ким. – Не передохли бы!

– Что ты с ними сделал?

– Я? Да ничего особенного! Покормил...

Чумон неожиданно крепко взял Кима за запястье. Пальцы у него были как из сухого дерева. Послушал пульс, быстро заглянул юноше в глаза – словно ложкой своей костяной в нутро залез.

– Ничего, здоров, – проворчал он, отворачиваясь. – Плохо дело.

– Да что случилось-то?

Чумон пожал плечами.

– Ты разве не знаешь, что на тебе проклятие?

– Впервые слышу!

– Ну так знай. Уникальное, роскошное проклятие, с корнями в преисподних. И при этом, что интересно – не родовое, а личное...

– Так вы из-за проклятия меня взяли послушником? – с подозрением спросил Ким. – Чтобы изучать его на досуге?

– Ну не из-за талантов же твоих!

– И что мне с ним делать?

– Да ничего. Я сам все сделаю. Главное, мне не мешай.

Ким забрался в часовню и налил воды в ритуальную плошку. Старик опустил туда нитяную метелку, макнул и принялся разбрызгивать воду на все четыре стороны света.

– Читать канон? – мрачно спросил Ким, освежая в памяти длинейшее восхваление утру, полное сложной символики, где каждое слово означало нечто совсем другое, возвышенное и тайное. Петь его полагалось на одной ноте, на выдохе – чем дольше, тем лучше.

– Солнце встает
из восточных змеиных тенет,
словно восходит
с самого дна земного.
Небо измерит – и снова
просит приюта у западных вод.
Где, наконец, стены крова?

Где шестерка драконов приют обретет?
Для тысяч вещей
Положен приход и уход...

– Дальше мысленно, – буркнул старец, принимаясь за дело. Отгоняя бесов, он кропил алтарь с деревянной фигуркой Бессмертного Целителя, пол перед ним, и всё, до чего только мог дотянуться, что-то бормоча себе под нос. Киму тоже досталась ежеутренняя порция брызг. Как будто какой-нибудь бес смог бы пробраться в такое пропитанное святостью место, как монастырь Каменной Иголки!

«На себя полей», – мысленно советовал ему Ким, когда старик поворачивался к нему спиной.

– Ну, что вам подсказал святой Целитель? – ехидно спросил он, когда вода в плошке, а вместе с ней и утренняя служба, закончились.

– Насчет тебя – ничего, – отрезал старец Чумон. – Мальчик, где мой завтрак?

Пища на Каменной Иголке была строго регламентированной, но сытной и довольно разнообразной. Рис, крупу, сушеную лапшу и свежие овощи раз в несколько дней приносил Ким из хозяйственного корпуса монастыря. Но большую часть рациона, – грибы, корни, ягоды, личинки, черви, жуки и ящерицы, – добывал сам Чумон во время вылазок в окрестные горные ущелья. И заставлял Кима это готовить. А потом есть.

Зато старец умел заваривать прекрасные травяные настойки. Впрочем, может, Киму просто нравилось холодным утром греть руки о горячую чашку, вдыхая ароматный пар, словно душу растения.

– Пойдем в горы вместе, – обрадовал послушника старец Чумон, когда завтрак был приготовлен и съеден.

«Прямо не узнаю сегодня старца! – насмешливо подумал Ким. – Обратился ко мне целых четыре раза. Здоровьем моим озаботился. Неужели наконец решил взяться за мое обучение?»

– Раньше вы меня с собой никуда не звали, – сказал он вслух. – Что-то изменилось?

– Тут ведь как можно? – задумчиво сказал Чумон. – Либо запереть тебя в келье и вообще никуда не выпускать. Или, наоборот, везде таскать с собой.

Ким поклонился, демонстрируя преувеличенную благодарность.

– Кормление жаб ты худо-бедно освоил, пора тебе начинать мне помогать в более ответственных делах...

– Спасибо за честь. И что мне надо будет делать теперь? Кормить сколопендр?

– Сколопендра – существо нежное, до него черед дойдет нескоро, – строго сказал Чумон. – Приметил я во-о-н за той горой отличное, с голову мужчины, осиное гнездо. С самого лета за ним наблюдал – ждал, пока вырастет побольше. Научу тебя, как его правильно добыть, как выгнать ос...

– О боги, гнездо-то вам зачем? – с тоской спросил Ким.

– Как зачем? Осиное гнездо, высушенное и истолченное – превосходное средство от ломоты в костях, от половой слабости у мужчин и бесплодия у женщин. На такого рода снадобья большой спрос в столице...

– Гнездо – от слабости? – захохотал Ким. – Это как – сесть на него, что ли? Тогда-то слабость у кого угодно пройдет, даже у столетнего старца!

– А на обратном пути, – хладнокровно продолжал Чумон, – наберем пару мешков синей глины на компрессы.

– Наберем?

– Ты наберешь.

– Ах, спасибо, отличный урок! Сначала выгонять ос из гнезда, а потом тащить по горным тропам два мешка сырой глины!

– Надо ведь с чего-то начинать, – развел руками старик. – Чем быстрее ты освоишь осиное гнездо, тем быстрее мы перейдем к более серьезным вещам – к примеру, к ловле гадюк.

Ким мрачно взглянул на наставника, подумал-подумал – и рассмеялся.

– То-то же, – сказал Чумон, впервые за четыре месяца ему улыбнувшись.

Глава 3. Путь на вершину.

Ким и старец Чумон шли через ущелье. Ручей, стиснутый гранитными берегами, звенел и булькал, стены ущелья круто уходили вверх. Каждый шаг, каждая упавшая капля будили эхо. Утренний туман уже рассеялся, но возле ручья всё равно было промозгло. Впрочем, Ким давно уже вспотел, утомившись скакать с одно скользкого камня на другой. Его ничуть не подбадривала мысль, что это только цветочки, а основные трудности впереди. Им предстоял долгий путь через перевал в соседнюю горную долину, где старик присмотрел заветное осиное гнездо.

Чумон шустро ковылял впереди, как всегда скрючившись и уткнувшись в землю. При этом скитник что-то монотонно бормотал себе под нос.

– ... насекомых – сто названий; рыб и морских гадов – пятьдесят девять названий; змей, включая безногих ящериц – семнадцать названий; драконов, включая окаменевших – девять...

– Простите, учитель – а что вы такое перечисляете? – заинтересовался Ким.

– Список тварей, содержащих полезные ингредиенты для различных снадобий, который тебе надо будет выучить к завтрашнему дню. Да не как Канон Бессмертному Целителю, а дословно. Пока категориями, потом – по наименованиям.

– Так это вы мне урок проводите, что ли?

Ким мысленно обругал себя за любопытство, но было поздно.

– А как же! Запоминай дальше. Моллюски морские, что в ракушке – двадцать девять наименований. Земноводные без чешуи – семнадцать. Птицы, с ними же летучие мыши и нетопыри – девяносто пять... Домашние и дикие животные – восемьдесят шесть. Люди...

– Как – «люди»?!

– Что ты орешь? Чем человек хуже прочих тварей? В медицине мы используем волосы, ногти, пять основных жидкостей, помет...

– Тьфу!

– Эх, молодо-зелено... Помет – это дар богов!

Чтобы подчеркнуть важность затронутого вопроса, Чумон даже остановился и обернулся к послушнику, воздев палец к полоске голубого неба наверху.

– Нельзя недооценивать такую вещь, как помет! Без него, чтоб ты знал, не обходится почти ни одно лекарство. К примеру, голубиный помет – прекрасное противонарывное средство. А летучая мышь? Ее несравненные испражнения, высушенные и размельченные в порошок, считаются одним из лучших средств от потения...

– Я уж лучше попотею.

– Если хватит времени, – проигнорировав замечание, продолжал Чумон, – на обратном пути завернем в одну пещерку, и я покажу тебе, как правильно собирать свежее...

– Нет!

– Да, – старец, не слушая возражений, быстрым шагом направился дальше.

Вскоре берега сошлись, и ручей как-то незаметно нырнул под землю. Тропинка теперь вела круто вверх среди нагромождения камней, навещающего на мысли о сухом русле. Путешественники лезли, перебираясь с валуна на валун, хватаясь за пучки травы и ветки плюща. В другое время такое лазание доставило бы Киму большое удовольствие. Но не сумрачным утром, когда перед носом мелькают грязные пятки наставника. Чумон со звериной ловкостью перескакивал через трещины и безошибочно выбирал самое удобное место для очередного шага. В отличие от него, Ким то и дело ошибался, и только шипел от боли и досады, когда удобный с виду камень неожиданно переворачивался или ускользал из-под ног.

– Стой! – заорал неожиданно Чумон. – Куда полез?!

Ким послушно замер, гадая, что стряслось, но старик, оказывается, обращался вовсе не к нему. Распластавшись на камне, он по плечо засунул руку в заросли плюща, и выудил оттуда небольшого ежа.

– Итак, рассмотрим сию тварь, – торжественно сказал Чумон, демонстрируя ежа Киму. – Кожу и мясо применяют в качестве кровоостанавливающего и бодрящего средства...

– Чего-чего?

– Если ты устал и ранен, то нет ничего лучше ежа, чтобы обрести утраченные силы, – ну, конечно, кроме осинового гнезда. Ежатины большим успехом пользуются в войсках, как питательная добавка к вяленой конине и прекрасное средство от дизентерии. Также еж полезен при чахотке, проказе и неврастении в сочетании с другими лекарственными средствами. Обладает кровоостанавливающим действием. Мясо ежа употребляют в вареном, соленом или сушеном виде вместе с водой, в которой онный варился.

Ким с сочувствием глянул на ежонка. Тот, как будто понимая, что ему грозит, свернулся на ладони Чумона в клубок, выставил иглы и зафыркал.

– Нет, нет! – старец несколько раз легко провел пальцем по иглам в направлении роста, успокаивая зверьку. – Запомни, мальчик – еж должен быть пойман и приготовлен в хорошем настроении, иначе его мясо станет ядом.

– Интересно, как его приготовить, этого ежа, чтобы он остался в хорошем настроении? – язвительно спросил Ким.

– Так в этом и есть высокое искусство зельеварения...

Ежонок увлеченно обнюхивал ладонь скитника, явно нацеливаясь опробовать ее на вкус. Чумон приподнял его, повертел, потыкал пальцем в брюшко.

– Мелковат... Ладно, пусть бежит. Ежа надо употреблять свежим, а у нас такой насущной необходимости нет.

Отпустив ежа в заросли, скитник с послушником двинулись дальше. Когда впереди замаячил просвет, Ким задал вопрос, над которым размышлял всю последнюю часть подъема.

– Учитель, вы ведь монах. Здесь, на Иголке, мясного даже по большим праздникам не едят... Как же насчет убийства живых существ на снадобья?

Чумон остановился на последнем валуне, глядя сверху вниз на послушника.

– Все живые существа когда-нибудь умрут, – сказал он. – Живое становится мертвым и снова оживает, этот круговорот происходит постоянно и не имеет конца. Сам факт смерти значения не имеет. Важно – *как* они умрут. И еще важнее – для чего. Важно, заметь, не столько для жертвы, сколько для убийцы. Бывает смерть во зло, а бывает и во благо... О, смотри, какой чудесный паук!

Старик вытянул перед собой руку, по которой полз мохноногий паук-крестовик, полюбовался на него, и скинул его на Кима. Ким попытался увернуться, потерял равновесие и с криком сорвался с камня в поросшую ежевикой расщелину. Упругие колючие ветки смягчили падение, но Ким этого не оценил – ему показалось, что в него вцепились несколько тысяч пауков, а может, даже сколопендр.

– Лесные и горные пауки, – невозмутимо произнес старец, когда умолкли вопли и проклятия, и ободранный, окровавленный Ким выбрался, наконец, из ежевики, – также употребляются как прекрасное кровоостанавливающее средство. Не могу не упомянуть об аналогичных свойствах толченого панциря черепахи, раковины устрицы и, разумеется, сушеного осинового гнезда. В данном случае могу только пожалеть, что мы слишком рано отпустили ежа. Отвар...

– Спасибо, я потерплю, – прохрипел Ким, выдергивая из себя шипы.

Каменный завал наконец закончился. Сразу за сухим руслом началась тропа, уводящая в лесистое ущелье. По обе стороны тропы вздымались лесистые горные склоны. Чумон остановился, чтобы передохнуть, жестом велел послушнику обернуться. Ким глянул назад – и даже ахнул от восхищения. Монастырь Каменной Иголки был виден как на ладони. Главный храм с

многоярусной башней и окружающие его островерхие крыши казались расписными парусами волшебного корабля, плывущего по волнам редящего розоватого тумана. Над горой всходило солнце, играя на золоченых черепицах.

Ким так загляделся, что забыл о своем наставнике. А когда оглянулся...

То, что старец Чумон совершенно не запыхался после тяжелого подъема, Кима уже не удивляло. Но такого он не ожидал даже от него! Чумон стоял на одной ноге, поджав другую к самому паху, оттопырив зад, сложив руки на спине и откинув голову назад. В этой нелепой позе он стал очень похож на цаплю, которую, по всей вероятности, и изображал.

– Отдохнем, – сказал старец, покосившись на Кима. – Встань как я.

Ким пожал плечами, поджал ногу – и немедленно упал. Вторая попытка оказалась более удачной – Ким успел в точности скопировать позу старца, прежде чем свалился.

– Пока не отдохнешь, дальше не пойдем, – заметил старец, за все это время ни разу не шелохнувшись.

– Ну почему я должен отдыхать именно в этой позе? – вспыхнул Ким. – Мы все утро лезем вверх и вверх, по вашей милости я упал в тот проклятый куст, теперь хочу только одного – лечь и помереть! А вам бы только надо мной издеваться...

– Ты когда-нибудь наблюдал за цаплей?

– Нет, конечно!

– Так понаблюдай. Она часами стоит на одной ноге, не уставая. Почему? Потому что она умеет управлять источником силы в своем теле. Поджимая ногу, она не дает силе вытекать снизу, а запрокинув голову – улечиваться сверху. В такой позе ты отдохнешь в десять раз быстрее, чем валяясь на скалах и позволяя своей силе беспрепятственно вытекать из тела в пространство.

Закончив наставление, старик поменял ногу, переложил руки и добавил:

– Но поскольку источники силы тебя нисколько не волнуют, скажу проще: быстро вставай как велено, ленивый мальчишка, не то я тебя так подбодрю, что до самого осинового гнезда будешь бежать вприпрыжку, держась за бока!

Ким, поминая бесов, принял нужное положение, для устойчивости опершись локтем о ближайшее дерево. Старец же сделал вид, что этого не заметил. Сделав трижды по восемь вдохов и выдохов, Чумон выпрямился.

– Ну что, отдохнул? – спросил он.

– Кажется, да... – с удивлением ответил Ким, опуская ногу и расправляя плечи. – Как это может быть? Я же не делал ничего особенного... Это всё вы устроили, да?

– Нет, ты сам. Я слегка помог – просто чтобы показать тебе возможности твоего собственного тела и духа. Как отдохнуть за считанные мгновения. Как не испытывать усталости, прошагав целый день – или наоборот, просидев целый день в засаде на дереве. Как прогнать сон – или наоборот, мгновенно погрузиться в него. Как замедлить или вовсе остановить бие-ние сердца...

Они снова отправились в путь. Теперь, по сравнению с каменным завалом, он казался приятной прогулкой. Тропа полого уходила вверх. В горном сосняке перекликались птицы. Солнце поднялось высоко, заливая лес золотистым светом.

– Вот и перевал, – сказал Чумон. – Еще немного осталось.

– Подождите, – сказал Ким. – То, о чем вы рассказываете – это какое-то тайное искусство?

– Никакой особенной тайны в этом нет.

– Но почему бы тогда не лечить людей этим искусством, а не вонючими зельями? Почему этому не учат... например, воинов?

– Некоторых учат, – ответил Чумон довольно сухо. – Управление источником силы – это не наука целителя. Так ты сможешь вылечить только себя. Впрочем, если ты его освоишь, считай, полдела сделано. Врач должен сам по себе стать самым совершенным инструментом

для лечения. По одному взгляду на больного нутром ощутить, какого элемента ему не хватает, и сразу вспомнить, в каком из живых существ он присутствует в избытке. Тут тебе и пригодится знание о вонючих зельях. Когда ты разовьешь в себе это чувство, сможешь назвать себя истинным целителем.

– Вас послушать, это так просто...

– Не сложно, но неприятно. А порой и больно. К тебе приходит страдающий человек, и ты проживаешь его болезнь вместе с ним, – Чумон хихикнул. – Ты удивишься, на что только не пойдет целитель, чтобы избавить от боли *себя*.

– Я никогда не слышал о таких целителях.

– Это я так лечу. И ты... возможно, когда-нибудь.

– Но я никогда не хотел стать целителем, – с сомнением сказал Ким. – Ха, мне это даже и в голову не приходило! Я всегда думал, что стану воином...

– А монах – тот же воин, только враги у него не от сего мира, – подхватил Чумон. – Вижу, вижу, что из тебя растили воина... в отличие от твоего якобы брата Рея. Задачи воспитания воина и целителя, как ты понимаешь, противоположные. Но все может измениться в одночасье. Когда ты хоть раз сумеешь почувствовать боль другого человека как свою...

Сосновый лес становился всё светлее. И вот тропа взбежала на пригорок. Ким и Чумон оказались на краю обрыва, с которого открывался вид, кажется, на весь горный край Чирисан. Горы справа и слева, и под ногами, и близко, и вдалеке. Позади – громада Каменной иголки, с ее снежными пиками и ледниками. Впереди – словно разбушевалось зеленое море. Лесистые вершины, одна за другой, до самого горизонта.

– Здесь заканчивается территория монастыря, – сказал Чумон. – Видишь часовенку в тех кустах? Тут – невидимая граница, непроницаемая для внешнего зла. А нам с тобой путь дальше, в ту долину...

От часовенки тропа раздваивалась и уходила в разные стороны. Влево – хорошая, утоптанная, на которую и указал старец Чумон. Вправо, куда-то к самому обрыву – заросшая, едва заметная.

– А вторая тропинка куда ведет? – заинтересовался Ким.

Чумон поморщился.

– Туда, – сказал он, указывая вниз, где теснились зеленые лесистые горы с красноватыми проплешинами гранитных скал. – В Горы Цветов.

Облака ползли по самым макушкам зеленых гор, словно овечьи стада, перетекая с одной вершины на другую. Ветер вдруг принес снизу странный мелодичный стон, похожий на обрывок хорового пения. Но сколько Ким ни прислушивался, больше звук не повторился. «Показалось», – решил он.

– Вообще-то, по этой тропе можно кружным путем пройти до самого Юлима, – говорил тем временем Чумон. – Дней восемь-десять – и попадешь в обитаемые места. Но мы туда не ходим.

– Почему? – рассеянно спросил Ким, вслушиваясь в шелест ветра.

– Нельзя. Запрещено.

Ким встрепнулся.

– Как это – запрещено?

– В этих прекрасных горах, – сказал скитник, – живет... некое зло. Горы Цветов вроде как необитаемы. Деревень там нет, только птицы, кабаны да олени. Но иногда путник уходит этой тропой – и больше его никто никогда не видит.

– Почему?

– Потому что не надо туда ходить.

– Но должны же быть причины! Демоны, оборотни, людоеды... да просто хищные звери? Тигры, например?

Чумон хмыкнул.

– Единственный на весь Чирисан тигр живет у нас, на Каменной Иголке. И потом, после хищника хоть что-нибудь, да останется. Следы крови, обрывки одежды, кости... Но там не остается ничего. Человек исчезает бесследно.

Ким с удвоенным интересом уставился на лесистые вершины. Чумону этот интерес очень не понравился.

– Ладно, – сказал он, – вижу, ты не осознал. Давай я тебе кое-что покажу. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Они подобрались к самому краю обрыва и легли в колючей траве. Тропинка круто устремлялась вниз и исчезала в зарослях. Далеко внизу серебрилась и шумела текучая вода.

– Видишь ручей? За ним – полянка. Вот там, возле самых деревьев...

– Ага, вижу! Межевой столб.

– А на столбе... ты приглядишься, приглядишься.

Ким нахмурился.

– Кажется, там кто-то привязан. Какой-то зверь, что ли...

– Не какой-то, а мертвый. Его принесли в жертву – скорее всего, демону, охраняющему границу. Демоны любят кровь и страдания жертвы... особенно если они были долгими.

– Это всего лишь зверь, – неуверенно сказал Ким.

– А если там человек? Ребенок?

Ким пожал плечами. Расстояние было слишком велико, чтобы утверждать что-то наверняка.

– Человеческая жертва гораздо ценнее, ты должен это понимать – ведь ты родом с варварского Кирима. Да, кстати. Особенно опасны эти горы для монахов с Иголки. Обычный путник, может, еще и пройдет, а монах – никогда...

Последние слова старца Ким не расслышал. Горы Цветов вдруг показались ему живым существом, огромным мохнатым зеленым зверем с золотистыми глазами, затаившимся в облачном тумане.

– Пошли, – старец дернул его за руку, возвращая к реальности. – Осиное гнездо ждет тебя.

Ким поднялся, отряхнул колени и послушно пошел за ним. Только напоследок, не удержавшись, еще разок оглянулся.

Глава 4. В гостях у старицы Ямэн

Однажды ясным осенним утром старца Чумона пригласили в монастырь, на разговор к настоятелю. Вернулся скитник не в духе, уселся на крыльце и долго там сидел, что-то бормоча себе под нос и загибая пальцы. Ким на всякий случай старался не попадаться ему на глаза. Он уже достаточно хорошо знал своего наставника и распорядок его жизни, чтобы догадаться: у Чумона что-то не ладится.

– Хватит тут мелькать! – рявкнул Чумон, когда Ким попытался мимо него проскользнуть к лестнице, ведущей в долину. – Бездельник! Лучше бы придумал, откуда мне взять тигриные усы!

– Зачем? – опешил Ким.

– Чтобы воткнуть себе в верхнюю губу и бегать по лесу!

Скитник встал, ушел в хижину и принялся копаться в мешочках и ящичках с ингредиентами.

– Учитель, и все-таки, зачем вам усы? – осторожно спросил Ким, заглядывая в дверь. – И непременно тигриные?

– Нужно срочно приготовить средство от проказы.

– Для кого?

– Для новой наложницы юлимского губернатора. Что ты выпучил глаза? Пытаешься понять, зачем губернатор взял в наложницы прокаженную?

– Нет. Просто думаю, что губернатору скоро тоже понадобится это средство.

– Вот именно. Скорее всего, ту девицу заразили умышленно. Но вот в чем беда...

Чумон окинул задумчивым взглядом перевернутые вверх дном запасы.

– Нужны жженные тигриные усы, и ничем их не заменить.

– Откуда мы возьмем усы? Здесь и тигры-то не водятся. Может, губернатору проще было послать за снадобьем на юг?

– Ты что, не понимаешь? Пока еще удастся держать это дело в тайне, но каждый день промедления подобен смерти...

Чумон почесал клочковатую бороду и неожиданно хмыкнул:

– Ладно! Хорошо хоть не тигриная желчь. Иначе губернатору пришлось бы искать себе новую наложницу... а потом и новую должность. Собирайся, Ким. Пойдем охотиться на тигра.

– Какого еще тигра? Здесь же нет других тигров, кроме духа Иголки!

– Вот он-то нам и нужен.

В сосняке пахло грибами, солнце играло на паутинках. Чумон шагал по едва заметной лесной тропке с таким беспечным видом, будто ему предстояла прогулка по монастырскому саду. Ким плелся сзади и ворчал:

– Полагаете, что дух Иголки подпустит вас к своим усам? Учитель, вы, конечно, пошутили?

– И не думал.

– Но мы даже оружия с собой не взяли!

– Оно нам не понадобится. Я охочусь на тигров голыми руками.

– Но ведь он не простой тигр! Это сверхъестественное существо в зверином обличье!

– И что? Какая разница?

– Да такая, что мы его никогда в жизни не найдем. Знаете, как горная ведьма, его жена, ловко отводит глаза и кружит по лесу? Я много раз пытался найти их логово, но все было напрасно...

Ким осекся под насмешливым взглядом скитника.

– Да, припоминаю. Настоятель вскользь упоминал, что по дороге в монастырь ты встретился с Ямэн. Видать, крепко она тебя околдовала, если ты так упорно ее ищешь. Не хочешь рассказать, как было дело?

– Чего там рассказывать? – буркнул Ким. – Десять лет назад мы с Реем пришли на Иголку и...

– Кстати, почему ты зовешь его братом?

– Ну, он мне не родной брат... А как вы догадались?

– Догадаться несложно. Не могут родные братья быть из разных сословий.

– Неужели так заметно?

– Конечно.

– Ха, а Рей-то надеялся всех обмануть. На самом деле мы друзья и побратимы. Мне было пятнадцать, а ему двадцать, когда мы пришли к монастырским воротам и на камне у ручья увидели тигра – теперь-то я знаю, что это был дух Иголки. На спине у него в медитации сидела горная ведьма. «Смотри! Бессмертный!» – начал орать Рей. Я решил подобраться к тигру поближе, и вышло вот что...

Ким принялся рассказывать давнюю историю, которую Рей настоятельно просил его держать от всех в строжайшей тайне. Чумон слушал, не скрывая интереса.

– Почему ты считаешь, что эти десять лет старица у тебя именно укарала? – спросил он под конец. – Сдается мне, она их тебе подарила. Кстати, тебе не казалось, что после той пещеры ты как-то изменился?

– Вроде бы, нет.

– Подожди, время покажет...

Неожиданно Чумон умолк и остановился. Несколько мгновений они стояли неподвижно. Тишину нарушало только жужжание насекомых.

– Тигр? Он рядом? – прошептал Ким.

– Нет. Но он здесь проходил, – негромко ответил Чумон. – Сегодня на заре. Да видишь, вот его след.

Ким с сомнением поглядел на небольшую вмятину в земле, которая могла быть чем угодно, в том числе и тигриным следом.

– А сейчас мы посмотрим, куда он пошел дальше, – пробормотал скитник, становясь на четвереньки. – Смотри внимательно... в следующий раз будешь искать сам...

Старик прищурил глаза, крылья его носа по-звериному зашевелились. Лицо старца неуловимо изменилось: вроде бы все по-прежнему, но Киму почему-то стало неприятно и даже жутковато смотреть на него. Верхняя губа старца приподнялась и задрожала. Дыхание стало громким и хриплым, больше напоминающим негромкое рычание. Ким отвел глаза, опустил взгляд и вдруг тихо ахнул, быстро отступил на шаг. Он совершенно отчетливо увидел: ладонь Чумона, накрывшая след, превращалась в тигриную лапу. Ким моргнул, прогоняя наваждение, но лапа не исчезла. Темно-рыжая шерсть, черные кривые когти...

– Перестаньте! – вырвалось у Кима. – Не надо!

Чумон с недовольным видом обернулся и выпрямился. Когтистая лапа плавно перетекла в сморщенную ладонь. У Кима мурашки побежали по спине. Нет, это непохоже на видение!

– Что «не надо»? Как ты смеешь мне мешать!

– Вы... вы меня оборотничеству учите?

– Балда, – устало заявил Чумон, вставая на ноги. – Подражание животному не есть оборотничество. Ты осваиваешь и подчиняешь себе звериное начало, а не оно подчиняет твой разум и волю. Помнишь цаплю? У зверей есть чему поучиться. У них нет разума, но любой зверь от рождения умеет пользоваться своим внутренним источником силы лучше, чем самый опытный монах. Ты видел – точнее, не успел увидеть, – совершенное подражание животному. Кстати, тебе предстоит освоить это умение.

– А любой монах на моем месте тоже подумал бы, что вы оборотень.

– Вот поэтому я и стараюсь лишний раз в монастыре не появляться. Люди часто не понимают того, что нам кажется очевидным.

– Понятно, – кивнул Ким, глядя на старца с некоторой опаской.

Вот так шутка – прийти в монастырь, чтобы попасть в ученики к оборотню!

– Раз уж ты мне все испортил, не хочешь ли попробовать сам? – предложил Чумон. – Давай! Здесь был тигр, и это место его еще помнит. Почувствуй его, стань им!

Ким нехотя опустил на колени и положил руку в след.

– Ты даже не пытаешься! – недовольно сказал Чумон через несколько мгновений. – Ты просто не хочешь его искать!

– Да, не хочу. Учитель, давайте вернемся! Безоружными выходить против тигра – глупо и опасно...

– Как бы я прожил сто лет без твоих ценных советов! Не пойму я тебя, Ким. Ты ведь не думал о тигре, когда один и безоружный искал логово горной ведьмы, между прочим, его жены. Почему тебя так влечет к этой старухе?

– Да не к старухе, – раздраженно ответил Ким. И прикусил язык, но поздно.

Глаза скитника ехидно блеснули.

– Ах, вот оно что! Я и забыл – у старой ведьмы ведь есть дочка! Что ж, если не хочешь искать тигра – попробуй найти ее...

– Не буду я никого искать. Ищите сами.

– Значит, «сам», – угрожающе повторил Чумон. – Ну, спасибо за позволение!

Ким подумал, что старец снова попытается превратиться в тигра, и решил больше не мешать ему. Но Чумон, как всегда, поступил непредсказуемо. Он поднес ко рту ладони и выпустил могучий раскатистый рев, от которого сердце Кима провалилось в желудок. Горы приоткрылись, словно вымерли – казалось, все окрестные звери и птицы перестали дышать от ужаса.

– Теперь мы подождем. И если тигр сейчас в долине, а не ушел куда-нибудь в южный Чирисан, то он обязательно отзо...

Его слова потонули в ответном реве – он, словно эхо, вернулся сразу со всех сторон, повторяясь и усиливаясь. И тут же среди сосновых стволов пугающе близко мелькнуло ярко-рыжее тело. Поразительно, как огромный зверь ухитрился так незаметно передвигаться, прячась за скудными можжевельниковыми кустиками и желтеющей листвой подлеска.

– Похоже, хозяин Иголки уже давно следил за нами, – шепнул Чумон оторопевшему ученику, глядя, как тигр выходит перед ними на тропу. Хозяин Каменной Иголки двигался плавно и лениво. Казалось, мышцы перетекают под его полосатой шкурой. Тигр остановился перед ними шагах в десяти и уставился на старца золотыми глазами. Чумон сложил ладони у груди и церемонно ему поклонился, как равный – равному.

– Приветствую тебя, бессмертный дух, – сказал он.

В его голосе не было и намека на страх.

Ким, глядя, как постукивает по земле кончик тигриного хвоста, тоже отвесил духу Иголки поклон. Говорить ничего не стал. «Чумон это затеял, пусть сам и выкручивается», – подумал он.

– Позволь выразить почтение тебе и твоей семье, – продолжал Чумон. – Надеюсь, твоя прекрасная супруга и добродетельная дочь пребывают в добром здравии...

Тигр всё так же смотрел на скитника круглыми глазами, только подергивал хвостом. Ким начал беспокоиться. Неожиданно пришел ответ, но совсем не оттуда, откуда его ожидали.

– У добродетельной дочери все чудесно, – раздался мелодичный голос, и рядом с тигром на тропе возникла Мисук. – Она гуляла по лесу, услышала перебранку – и сразу угадала, кого здесь встретит.

– В самом деле, этот юнец бывает просто невыносимым, – приветствуя ее поклоном, сказал Чумон. – Строптив, упрям...

– Я, вообще-то, имела в виду одного склочного сварливого скитника, – возразила Мисук. – Рада вас видеть, почтенный Чумон... И тебя, Ким. Не часто вы радуете нас своими посещениями.

– То же самое мне всё время повторяют в монастыре...

От волнения Ким даже не обратил внимания, что Мисук и Чумон разговаривают так, будто знают друг друга сто лет. В то мгновение, когда фея появилась на тропинке – выскользнула из-за кустов? возникла из воздуха? – весь мир для него исчез, осталась только она. С той последней встречи у ночного костра дочка горной ведьмы явно стала еще прекраснее, чем прежде. И никаких встрепанных волос или крестьянских обносков: на этот раз она была одета тщательно и нарядно. Видно было, что готовилась принимать гостей: брови подведены, щеки нарумянены, сложная прическа украшена синими перьями зимородка. Платье из текущего шелка вышито пышными золотыми хризантемами, в руках веер, глаза насмешливые.

– Отец, преподобный Чумон... и ты, Ким, – сказала Мисук, – мама просила всех потопиться. Еда уже на столе.

Конечно, не на столе, а на покато травянистом берегу своего пруда ведьма Ямэн устроила на удивление роскошный обед. Ким диву давался, откуда у нее все это взялось – и столовая утварь, и скатери, и полотенца; не то прятали в пещере, не то доставили из самого Юлима. Мяса, конечно, не было, а всё остальное – чем только богаты осенние горные леса. Множество видов грибов и ягод, пряные травы и дикий рис... И всё это – в десятках изысканных сочетаний. «Шли на охоту, а попали на семейную трапезу», – думал Ким, стараясь не особенно жадно накидываться на пищу. Он отвык от вкусной обильной еды, и с удовольствием смел бы всё, до чего мог дотянуться, но его останавливал взгляд Мисук. Фея в изящной позе устроилась на траве, изображая томную аристократку, которая впервые в жизни выбралась на природу – видно было, что развлекается от души. Старица Ямэн тоже принарядилась. Причесала седые космы, заколола их зубчатым гребнем, обрядила свои мощи в тяжелое парчовое платье. Облокотившись на дремлющего тигра-супруга, она оживленно болтала с Чумоном.

– ... и с каждым днем все больше и больше. В одном вашем монастыре за сотню монахов перевалило, а гости? А паломники? Зачем монахи построили подъемник? Раньше человек глянет на монастырскую тропу – и десять раз подумает, стоим ли ему сюда лезть, а теперь – сел в бадейку, и тебя тащат вверх на веревке! Скоро в долине станет мало места – и придется уходить. Мы с мужем для здешних жителей как бельмо на глазу, я-то знаю. В пропасть путник сорвался, попал под лавину – так непременно либо тигр виноват, либо ведьма заворожала. Нет, скоро выкурят нас отсюда...

– Ну, ваш супруг такого не допустит, не так ли? – возразил Чумон, задумчиво посматривая на тяжелую морду спящего тигра.

– А что он может сделать? Сжрать пару-тройку самых назойливых гостей? Вот тогда сам увидишь – за нас примутся по настоящему. К тому же съеденный монах плохо скажется на его духовном совершенствовании.

Тигр зевнул во всю пасть и снова погрузился в сон. Чумон одобрительно посмотрел на его усы и придвинулся еще чуть-чуть ближе.

– Но монахи – это еще полбеды! – продолжала жаловаться бабка. – Гораздо хуже мерзавцы– охотники!

– Да что ты говоришь! – посочувствовал Чумон. – Негодяи!

– Когда я последний раз гоняла отсюда этих звероловов, один из них потерял список. Ты бы видел его! Все тело моего драгоценного супруга было у них поделено заранее. Мясо,

потроха, само собой, а также отдельно: тигриные кости, – старуха принялась загибать пальцы, – когти, усы, глаза, хвост, печень, и даже – при девице неловко сказать что!

– Да, эта часть туши справедливо славится как великолепное укрепляющее средство, – с ученым видом покивал Чумон. – Также помогает от бесплодия и...

Смутившись, он умолк, покосился на тигра, но тот не обратил на его слова никакого внимания.

– А сколько от них беспокойства, от этих охотников! – сокрушалась бабка. – В прошлом году в долину пробралась целая шайка. Вырыли на тропе ловчую яму, прикрыли ветками... Потом туда провалились двое монахов, а кого обвинили? Конечно, меня!

Ямэн возмущенно фыркнула и принялась разливать брусничный чай.

Из-за спины Кима едва заметно повеяло духами. Его руки коснулись легкие пальцы, и тихий голос прошептал:

– Пусть себе болтают. Пошли отсюда...

Мисук увела Кима довольно далеко вверх по ручью, как будто нарочно стараясь уйти подальше от ведьминой заводи. Ким едва поспевал за ней. Выйдя на прогалину, она неожиданно она отпустила его руку и повернулась к нему лицом. Куда делась томная аристократка? Перед Кимом снова стояла прежняя неукротимая Мисук. Тигриные глаза дерзко смотрели на него в упор.

– Ну, может, поприветствуешь меня наконец? Пока ты мне и слова не сказал! Хватит вести себя словно монах! И не вздумай говорить, что ты и есть монах!

– Скажу сразу же, как ты замолчишь, – удалось встрять Киму.

– Давай, лучше скажи что-нибудь светское. Например, что я прелестна... или что-нибудь такое.

– Ты прелестна, – серьезно повторил Ким. Мгновение подумал и продолжил цитатой из старинной любовной поэмы: – «Смотрю и глазам не верю. Разве может быть таким прелестным смертный?»

Мисук усмехнулась с довольным видом, заиграла веером.

– Ха, это уже интереснее! Не веришь своим глазам? «Но вот что слышал я – в старину фею этой реки называли Мисук. Там не она ли?»

– Ну, если хорошенько приглядеться...

– Могу поспорить, что дальше не помнишь! Ну-ка перечисли свойства феи!

Ким посмотрел на Мисук так пристально, что она невольно зарделась.

– «Как вспугнутый лебедь парит
С летящим драконом изяществом схожа,
Хризантемы осенней прекрасней она,
Сосна весенняя ей сродни».

Все истинная правда, – закончил он. – По всем признакам – не видение.

– Сам ты видение, – проворчала Мисук. – Или сюда, давай посидим тут на берегу.

Они уселись рядом и несколько мгновений молча слушали плеск и бульканье ручья.

– Я рад тебя видеть, – тихо сказал Ким. – Часто о тебе думал. Скучал по тебе.

– Хороши речи монаха! Ладно, я тоже о тебе частенько вспоминала...

Мисук протянула руку и легко погладила его по голове.

– Ужас какой-то! Ты мне больше нравился с воинской прической. Не могу смотреть без смеха на эту щетину и твои оттопыренные уши.

Ким зажмурился.

– Сейчас замурлычу...

Мисук вдруг отодвинулась и стала очень серьезной.

– Не хотелось говорить о плохом за столом. У меня есть одна новость, которая тебя совсем не порадует, Ким, но держать тебя в неведении нечестно и опасно. Мокквисин Кагеру снова жив.

Ким растерялся. Все что угодно ожидал он услышать, только не это.

– Что ты сказала?

– Помнишь, что творилось десять лет назад, когда ты только собирался сюда? Все эти намеки, тот человек в черном, который тебя преследовал... Гибель предсказателя... Я-то сразу подумала о кознях Кагеру. Никогда не верила, что он так просто сумеет умереть. Надо вернуться на острова Кирил, решила я тогда. Найти его обгорелые кости и посмотреть на них своими глазами. Но что-то мне подсказывало, что не кости я там найду...

Мисук тяжело вздохнула.

– Я очень долго собиралась с духом. Я ведь боюсь мокквисина, и не стыжусь в этом признаться – просто знаю, на что он способен. Со временем отец показал мне пути небожителей, научил внезапно исчезать и появляться. Когда я сочла, что готова, то отправилась на север Кирила. И там, в Сасоримуре, встретила его, как и опасалась – живого...

Ким побледнел.

– А Тошнотник?

– Он по-прежнему с ним. Но насчет волка не беспокойся. В отличие от хозяина, демон утратил телесную оболочку. Сейчас он всего лишь призрак.

Киму вдруг вспомнились кое-какие рассказы Ямэн.

– Правда, что сихан превратил тебя в кошку, потому что... Чтобы ты от него не сбежала? – хмуро спросил он.

– Не совсем. Я и так не могла от него сбежать, Тошнотник охранял меня строже всех вас. В кошку Кагеру меня превратил, чтобы поиздеваться.

– Но твоя мать сказала, что он влюбился в тебя...

Лицо Мисук перекопилось.

– Давай я тебе лучше сама расскажу, как обстояло дело. Кагеру был моим учителем. Настоящим – он ведь в самом деле учил меня не так как вас, своих мальчишек-рабов. Мама тревожилась из-за того, что мой отец – не человек. Она не знала, какие его свойства во мне проявятся, и хотела, чтобы Кагеру научил меня управлять собственными возможностями, предела которых никто не знал, и меньше всего – я сама...

Мисук вдруг расхохоталась.

– Обнажды мы с сиханом повздорили, и я разнесла ему полдома – сама не знаю, как это получилось. Как же он перепугался! Но виду не подал – он ведь гордый, как демон...

– Так почему он превратил тебя в кошку? – упрямо повторил Ким.

– Потому что больше всего на свете Кагеру любит власть. Иначе он не был бы мокквисин. Вместо того, чтобы учить меня, он меня изучал. Учился управлять мной сам. Конечно, неявно, исподволь. Да и управлять не надо было – поначалу я сама с восторгом делала все, что он говорил. А я так ему доверяла, во всем на него полагалась... ты не представляешь, как я восхищалась им поначалу! Пока не начала чувствовать, что теряю свободу. И как только один раз я попыталась поступить по-своему – тут я и поняла, в какие сети попала.

Мисук снова рассмеялась, на этот раз довольно злобно.

– Я его даже в чем-то понимаю. Заполучить фею, которая повинуется с восторгом и по доброй воле! Да это же мечта любого чародея! Одного Кагеру не учел – я не из таких фей. Он сумел превратить волка в преданное адское отродье, но с лесной кошкой этот трюк не прошел. Сломить волю кошки нельзя – проще ее убить. А убивать меня он не хотел. У сихана на меня были другие планы... и я не думаю, что он от них отказался. Кстати, Ким, на тебя он тоже точит зуб.

– Я догадываюсь, – с озабоченным видом проговорил Ким. Мисук игриво ущипнула его за руку.

– Эй, не бери в голову! Совсем я тебя, бедняжку, запугала? Я же не сказала тебе самого главного. Мокквисин хоть и ожил, но потерял всю свою силу. Он по-прежнему полон злобы, и при этом выглядит как обгоревший трухлявый пень.

Мне даже стало его жалко... чуть-чуть. Думаю, он еще долго будет безопасен.

Глава 5. Время отдавать долги.

Примерно за год до описанных выше событий мокквисин Кагеру проснулся в своем полуразрушенном доме в Сасоримуре и сразу понял – что-то изменилось.

Было сырое и туманное летнее утро, на улице моросил дождь.

«Почему так тепло?» – подумал Кагеру сквозь дрему. Легкий жар пропитывал его изнутри, огненными струйками растекался по жилам. Как будто кто-то разжег внутри маленький костер.

«Как славно! – Кагеру снова закрыл глаза, чтобы не спугнуть приятное ощущение. – Можно подумать, что я стал таким как прежде... до смерти».

Воскрешение из мертвых, – если это можно назвать воскрешением, – растянулось на долгие годы. Тело восстанавливалось медленно и болезненно, словно не желая принимать то странное, извращенное обличье, которое придал ему своим огненным колдовством Анук. Некоторые свойства нового тела до сих пор приводили Кагеру в изумление. Оно почти не требовало пищи и очень мало – сна, зато совершенно не могло обходиться без живого пламени. Если же огня поблизости не было, тело начинало остывать, как догорающая головня. Годился только огонь костра или раскаленные угли жаровни, солнце их не заменяло.

Но самой гнусной шуткой Анука было то, что Кагеру, проводя у огня большую часть суток, все равно постоянно мерз. Дни шли за днями, складываясь в месяцы и годы, а вся жизнь мокквисина была сосредоточена возле очага, в тщетных попытках согреться. Иногда ему казалось, что он заживо попал в Преисподнюю Льда: все, что он видит день за днем – рдеющие угли или языки пламени, а все, что чувствует при этом – холод или боль.

Мокксивину вдруг привиделся Анук – толстощекий румяный подросток с блестящими глазами и злорадной улыбкой. Огненный демон нагло смотрел на своего бывшего хозяина, как будто говоря: «Никуда ты от меня не денешься!» Это видение убило всю радость утра. Кагеру мысленно выругался, открыл глаза, вылез из постели и отправился заниматься домашними делами.

Прикончив безвкусный завтрак – сухие ягоды и размоченное зерно из старых общинных запасов, – Кагеру вышел на крыльцо. Вершины гор окутывали облака, не по-летнему веяло холодом. «Что-то действительно изменилось, – с тревогой подумал мокквисин. – Почему же я не мерзну?»

Ощущение тепла всё усиливалось. Оно уже становилось неприятным. На лбу колдуна выступила испарина. «Я что, заболел? Простыл? У меня жар?» Ему самому стало смешно. Кагеру провел рукой по лицу, пытаясь разобраться в хаосе мыслей и ощущений. Что-то обязательно нужно было сделать, причем немедленно. Внезапно Кагеру со всей ясностью понял, что ему хочется сходить на пепелище своего прежнего дома.

Мысль была по меньшей мере странная. Все эти годы, пролетевшие так быстро и однообразно, Кагеру не покидал Сасоримуру, выбираясь только в самые ближайшие окрестности. До сгоревшего дома в Скорпионьей долине было почти полдня пути; и в любом случае, вряд ли у Кагеру возникло бы желание провести место, где он провел почти три года в качестве обгорелого скелета. Но теперь вдруг эта идея, возникшая безо всяких разумных причин, показалась мокквисину очень удачной. Не тратя времени на раздумья и сборы, он прихватил с собой только топор и огниво, – чтобы не остаться без источника тепла, если загадочный жар вдруг прекратится – и вскоре уже шагал через лес в сторону своих бывших владений.

Ноги сами находили давно заросшую тропинку. Где-то в чаще лениво перекликались птицы, тускло-зеленая листва казалась подернутой патиной. Облака сбивались в хмурые тяжелые громады, дождь усиливался. Кагеру упрямо продолжал путь.

Примерно на полдороге чародей догадался, что с ним происходит. Но не остановился, и обратно не повернул. Тот, кто таким своеобразным способом призывает его в Скорпионью долину, все равно добьется своего, только вот церемониться больше не станет.

От пепелища не осталось и следа – лишь покатым зеленым холм на месте дома. Молодые деревца вытянулись так, что было сразу ясно: еще лет десять – и на месте усадьбы мокквисина встанет густой лес. Почерневший опорный столб торчал, где и прежде. Кто-то развел под ним костер. Кагеру не слишком удивился, еще издали разглядев Анука.

Мальчик-демон сидел на корточках возле костра и что-то увлеченно поджаривал на пруте, то и дело поворачивая над огнем. Рядом с ним стоял еще кто-то, худой и высокий, в дорожном плаще и соломенной плетеной шапке. Подойдя поближе, Кагеру узнал Сахемоти.

– Глянь, он все-таки пришел!

Анук, не прекращая своего занятия, поднял голову, сверкнул глазами. За прошедшие полтора десятка лет он почти не изменился, разве что немного подрос и стал еще краше.

– Еще до полудня явился! Ты проспорил, братец, и теперь понесешь мой короб до самого перевала.

– Еще бы он не поспешил, когда ты поджариваешь его с самого утра. Неразумно, младший брат. А если бы мокквисин надорвался? Здравствуй, Кагеру! Брат еще не спалил тебе все внутренности?

Анук ухмыльнулся, поднял глиняную фигурку на длинном пруте и напоказ сунул ее в огонь. Кагеру дернулся, с трудом удержав крик – ему показалось, что его окатили кипятком. Анук довольно захохотал, снял фигурку с прута голыми руками, не боясь обжечься, и кинул в высокую траву.

– Давно не виделись, мокквисин! – приветствовал он его. – А ты совсем такой, как раньше! Присаживайся к костру – есть разговор.

Если Анук с виду остался почти прежним, то Сахемоти сильно изменился. Низвергнутый бог с двойственной сущностью человека и *вани*, морского чудовища, которого мокквисин когда-то приманивал колдовством на кровь Кима, больше не напоминал заморенного беспомощного доходягу. Хотя внешне Сахемоти остался тем же хрупким юношей, каждое его движение говорило о силе – спокойной, тихой, упрямой, как текущая вода. Взгляд его бесцветных глаз, сохранив потустороннюю глубину, стал быстрым и внимательным.

– Ты выглядишь даже лучше, чем мы ожидали, – доброжелательно сказал он, с головы до пят осмотрев мокквисина. – Только отощал совсем. Огонь – не лучший источник жизни для смертных, он быстро разрушает тела и почти ничего не дает взамен. Но – благодаря Анука, – ты мог не иметь и этого.

– Не стану притворяться, что испытываю благодарность. Если бы моим мнением поинтересовались...

– Но на твое мнение всем наплевать, – бесцеремонно перебил его Анук. – А потому помолчи и послушай моего старшего брата.

– Значит, настала пора отдавать долги?

– Нет, просто выполнять свои обязанности. Какие долги могут быть у раба?

– Уймись, Анук, – укоризненно сказал Сахемоти. – Этак мы просто переругаемся. И ты, Кагеру, смири свою неуместную гордость. Нам троим предстоит работать вместе над сложным и опасным делом. Успех или неудача будет зависеть от каждого из нас. А потому – никакой ругани, насмешек, издевательств. Отныне наши правила – вежливость, доверие, взаимопомощь. Это касается каждого.

Последние слова сопровождались жестким взглядом в сторону Анука. Демон-подросток пожал плечами.

– Как кажешь, старший брат.

Сахемоти сдвинул соломенную шапку на затылок и сел на пригорок возле костра.

– Около восемнадцати лет назад, в этих самых горах, благодаря твоему искусству, мокквисин, и счастливому случаю я возродился в Среднем мире, – заговорил он. – Когда-то он звался Земной Заводью, но теперь это имя забыто – как и все остальные. Я обнаружил, что этот мир изменился. Кирим стал имперской провинцией, его боги забыты и уничтожены. Наши небеса пусты, в них правят чужаки, как и на земле. Все эти годы я странствовал с острова на остров, обошел весь архипелаг с севера на юг, и везде видел одно и то же – разрушенные храмы, заброшенные святилища, бывших богов, вместе с памятью необратимо утративших разум и силу и ставших мелкими бесами...

– Ради этих «откровений», – с насмешкой сказал Кагеру, – не стоило годами странствовать с острова на остров, достаточно было один раз поговорить со мной.

Анук расхохотался. Сахемоти тоже улыбнулся, но у мокквисина как-то сразу пропало желание шутить.

– Знай, мокквисин, что у меня нет никаких причин испытывать к тебе неприязнь. Наоборот, я тебе благодарен. Вольно или невольно, ты сделал мне два подарка. Во-первых – жизнь, а во-вторых – мое истинное имя. Точнее, одно из имен. Но это не важно. Имя – всего лишь кончик нитки, торчащей из клубка. Я тяну за него и разматываю, снимаю слой за слоем, постепенно открывая всё новые знания о себе и своих возможностях.

– Но разве твоя память не вернулась вместе с именем?

– Память бога устроена иначе, чем у смертных. У человека лишь одна личность, у бога их могут быть сотни. Мне пока известно о двух моих ипостасях. Одна из них, низшая – вани, морской дракон. О второй я кое-что узнал благодаря тебе и твоему ученику. Кстати, откуда ты вытащил мое тело?

– Сам не знаю.

– Врешь, – лениво бросил Анук. – И будешь за это наказан.

Кагеру только пожал плечами.

«Анук, ты глупец, – подумал он. – Какое удовольствие запугивать того, у кого нет никакой надежды на избавление? Намекни рабу, что он может заслужить свободу, и он будет смирять себя и ползать на брюхе, пока тебе не надоест. Тем приятнее потом сказать ему: „Какая свобода? Да я пошутил!“. Я бы на твоём месте так и сделал».

– Печалюсь о судьбе моего мира, я не мог не задуматься и о нашей с братом участи, – продолжал тем временем Сахемоти. – Я сейчас в хорошем теле. Только ведь его все равно больше чем на полста лет не хватит. А что потом? Развоплощение, гибель? Или снова уйти в океан – до скончания времен? Конечно, я могу вернуть себе обличье вани, но это путь в никуда...

– Что ты имеешь в виду? – равнодушно спросил Кагеру.

– Имеешь ли ты понятие об источниках силы? Как чародей, ты должен в этом разбираться. К примеру, благодаря Ануку, твой источник силы сейчас – адское пламя. Однако тебе, как смертному, вполне хватает обычного костра. А вот Ануку костра будет недостаточно. Захоти он, скажем, вызвать лесной пожар, ему пришлось бы обратиться к источнику напрямую. Правда, что из этого выйдет, никто не знает. С уверенностью можно предсказать только гибель его телесной оболочки и окончательный уход из мира людей в мир kami, природных духов.

Есть и другие источники. Например, Тайхео, мировой океан. Но это опасный и коварный источник. Океан всегда был сам по себе, он старше богов Небесной Иерархии и сродни вечному хаосу Надмирной Тьмы. Океан делится силой с существами, которых сам же порождает, но подчинить его невозможно. Сила океана безгранична; почти все боги, хотя бы какой-то ипостасью связанные с морем, легко пережили падение Кирима, но во что они превратились? Любой рыбак скажет, что Тайхео – царство демонов. Добавлю – не только царство, но и тюрьма. Вне моря они бессильны. Вот что я имел в виду под словами «тупиковый путь».

– Но ведь наверняка есть и другие источники?

Кагеру, против своей воли, был заинтересован. Поговорить об истоках магии с древним киримским богом – когда-то он о таком не смел и мечтать.

– Я всегда считал, что богов, – в том виде, в котором они почитаются, – создают и уничтожают люди.

– Ты путаешь причины и следствия. Забытый бог постепенно утрачивает личность, возвращается к своему источнику и растворяется в нем. Что касается других источников – конечно, они есть. Но нам с Ануком до них не добраться. Сам Господин Времени не разберется в том, что творится сейчас на развалинах прежнего киримского миропорядка. Некоторые области мира просто исчезли, в другие намертво закрыты для нас. Любая попытка восстановить прежние возможности в лучшем случае окончится неудачей, которая мгновенно привлечет к себе внимание Небесной Иерархии, а в худшем, вселенской катастрофой. Притом, чем сильнее в прошлом был бог, тем страшнее будут последствия этой попытки. Вот почему мы с Ануком, вместо того, чтобы воцариться на небесном престоле Кирима, тихонько бродим по лесным тропинкам и никак себя не проявляем. Пока.

– Что значит «пока»? На что вы рассчитываете?

– На перемены, – объяснил Сахемоти. – Корни перемен во всех мирах – здесь, в Земной заводи. Я хочу, чтобы Кирим снова стал свободным.

Мокквисин мрачно усмехнулся:

– Я тоже. Но одного хотения мало, чтобы повернуть время вспять. Или чтобы у имперцев проснулась совесть и они ушли с островов.

– Разве в империи не случались восстания? – спросил Сахемоти.

Ах, вот ты о чем... Да, конечно. Некоторые провинции даже обретали независимость... на короткое время. Но всё это не про наш Кирим. Восстание здесь, на островах? Население малочисленно и забито, правящий клан Касима беззаветно предан императору. Смешно. Нет, пока существует империя, твоим мечтам не сбыться, Сахемоти.

– Вот именно, – с улыбкой сказал бывший бог. – Ты ухватил самую суть. Пока существует империя.

Кагеру недоверчиво взглянул на него. Это что, шутка?

– Благодаря тебе, мокквисин, я пришел в Средний мир в облике человека, – сказал Сахемоти. – Не знаю, случай это был или судьба, но вышло удачно. В этом раскуроченном мире человеческий облик дает мне возможности, каких никогда бы не получил бог-вани. Если все получится, это будет мое последнее рождение здесь.

– А если не получится – тоже, – встрял Анук. – Уж в Небесной Иерархии об этом позаботятся.

Маленький демон слушал своего старшего брата вполуха. Кагеру подумал, что всё это они не раз обсуждали и раньше.

– Значит, ты задумал погубить империю... Благородная цель, кто ж спорит, – сказал он вслух. – Только нелепая. Я бы с радостью послужил вам в этом деле без всякого принуждения, будь у вас хоть малейший шанс на удачу. То, что ты сказал – просто безумие. Проще сразу объявить войну Небесной Иерархии. Или подчинить себе мировой океан.

– Ты прав, действительно проще, – проговорил Сахемоти, надвинув шапку на глаза. – Но этого мало. Пока существует империя, все прочие усилия будут впустую. Империя должна быть уничтожена. И ты нам в этом поможешь, Кагеру. Что ты молчишь? Ты не веришь, что я могу добиться успеха?

– Брат, да что ты с ним возишься?! – воскликнул Анук. – Я прикажу ему – и он сделает все, что нам надо.

– Я бы предпочел, чтобы он стал нашим добровольным соучастником.

– Зачем тебе моя добрая воля? – ядовито спросил Кагеру. – Ради чего мне стараться?

– Ради Кирима, и ради себя самого, – серьезно ответил бывший бог. – Анук, конечно, прав: ты и так сделаешь все, что мы скажем. Но если присоединишься к нам по доброй воле и будешь полезен, я тебя награжу.

– Я тоже, – глумливо добавил Анук. – Прямо не терпится.

Сахемоти взглянул на него с досадой. Кагеру поймал этот взгляд – и неожиданно понял: то, что он жив – заслуга вовсе не Анука. Сахемоти приказал брату возродить его для своих целей, и когда эти цели будут достигнуты, Анук с удовольствием его прикончит. Тогда как воспринимать слова Сахемоти о награде? Издевательство или... намек? Тот самый намек, которого он и не чаял дожидаться от Анука?

Дождь снова усиливался, и каждая холодная капля казалась мокквисину ожогом. По его телу снова начинал разливаться постоянно мучающий его ядовитый холод. Кагеру решился.

– С восстанием ничего не выйдет, – сказал он, глядя в лицо Сахемоти. – По крайней мере, пока у власти клан Касима. О том, чтобы погубить империю, забудьте. Разве что она развалится сама. Но я даже не представляю, что для этого должно произойти. Внешних врагов у империи почти не осталось, значит – только изнутри. Заговор, покушение на императора, смена династии – все это в истории бывало, и неоднократно. Империя от этого только крепла. Кроме того, заговор такого масштаба вряд ли удастся сохранить в тайне. А как только вы о себе заявите, до вас тут же доберется Небесная Иерархия.

– А я не собираюсь ничего держать в тайне. Не будет никакого заговора. Все произойдет само, причем без нарушения закона. Наоборот, чем шире будет огласка, тем лучше. Если всё пойдет, как я планирую, империя сама организует и даже оплатит свою гибель.

Анук захихикал.

– Отлично звучит, старший брат!

– Завтра ты отправишься с нами на юг, – сказал Сахемоти. – Доберемся вместе до Асадаля. Там разделимся: мы отправимся дальше, а ты останешься в столице и какое-то время поживешь там. Постарайся заработать добрую репутацию, установить отношения с местными иерархами и книжниками. При твоей хитрости и учености это не составит труда, тем более, что с некоторыми ты наверняка состоял в переписке. Твоя цель – библиотеки. Самые лучшие и древние собрания – монастырские, княжеские...

– Что я буду там искать? – спросил Кагеру.

– Пьесу. Старинную театральную пьесу. Сюжет не важен. Но ее действие должно происходить непременно на берегу моря. И одним из действующих лиц должен быть царь-дракон...

Глава 6. Секреты Касимы.

Солнце скатилось за сосновый бор, затрещали цикады. Белесые ночные мотыльки порхают, словно неуспокоенные души. На холме среди леса сияет в темноте ночи замок Ниэно, летняя резиденция князей Касима. Там, за резными галереями, за вошеной бумагой – свет, веселье. Страхнув дневную дрему, хозяева радуются прохладе и отдыху от дурманящего зноя.

На галерее, за расписными ширмами, прошуршали шаги. Отодвинулась дверь, внутрь малого приемного зала заглянуло набеленное лицо дежурной фрейлины:

– Госпожа княгиня, там пришел ученый книжник, от настоятеля храма Небесного Балдахина...

В зале стало тихо. Молодая княгиня подняла голову, на ее губах промелькнула загадочная улыбка.

– Пусть почтенный книжник насладится пока ночной прохладой на галерее, – велела она. – Я скоро приглашу его. Вот только отпущу мужей...

Иро Касиме шел восемнадцатый год. Ее – тоненькую, зеленоглазую и черноволосую, – придворные льстецы восхваляли как одну из первых красавиц страны. По смерти княгини-матери она правила Киримом всего лишь второе лето, и еще ничем особенным проявить себя не успела.

Да и как тут себя проявишь? Последние лет четыреста князя Кирима к управлению землей своих предков отношение имели весьма косвенное – все решал наместник, назначенный императором. И был ли он блестящим князем, как Вольгван Енгон, или скромным, незаметным чиновником, как его преемник, для рода Касима ничего не менялось. У прежней княгини было хоть одно развлечение – внутренние интриги, но Иро и этого не досталось. Традиционные враги и соперники Рода Касима – клан Аозора, – волей императора были изгнаны из столицы и теперь пребывали не то в почетной ссылке, не то в заключении на далеких южных островах. Касиме – одной из немногих – было кое-что известно о причинах этой опалы. Но она помалкивала. С Небесным Городом не шутят.

Княгиня Касима, как и ее мать, предпочитала проводить время не в столице, а в путешествиях по провинции. Главная княжеская резиденция находилась в Асадале, но Касиме больше нравилось гостить в замках. Некогда, в давние времена, кирымским аристократам было предписано не строить новых укреплений, а у уже существующих замков разрушить внешние стены. (Не потому ли хитрые Аозора поселились на островах – спрятались от врагов, не нарушая закона?) Новые кирымские замки были обычными загородными усадьбами: длинные одноэтажные деревянные постройки под резными крышами, утопающие в зелени. Так издавна повелось на островах: на людях – имперское, парадное, для себя – что-то местное, попроще.

Зато в семейных отношениях кирымская знать крепко держалась обычаев древности. У Касимы уже было два мужа, обоих ей сосватала еще покойная мать. Теперь она подумывала взять и третьего, по своему выбору.

– Что это за книжник к тебе пришел, Иро? – добродушно улыбаясь, спросил княгиню старший муж, служивший при ее матери Левым министром. – Опять что-то затеваешь?

Касима улыбнулась с хитрым видом.

– Пока еще не знаю. Возможно.

– Ну, прощай, выдумщица.

– В первый день Голодных Духов мы вместе едем приносить жертвы предкам, – напомнила княгиня, провожая старшего мужа церемонным поклоном. – Да, имей в виду – твоя идея уйти в монахи меня просто возмутила. Даже не думай! Что я буду делать без твоих мудрых советов?

– Мне тоже уйти? – лукаво спросил второй муж.

Не занимая никакой официальной должности, он ведал всем, что касалось безопасности княгини и рода в целом.

– Ни в коем случае! – Касима состроила ему глазки. – Ночь обещает быть холодной – кто же согреет мне ложе? Ты можешь просто заткнуть уши. Или я прикажу книжнику молчать, и мы будем обмениваться записками.

По залу пронеслись смешки фрейлин. Всем было весело. На столах выставлены легкие закуски: печенья, сладости, всеми любимая пастила из водорослей, травяной и цветочный чай, сладкое сливовое вино. Поскольку прием был домашний, придворные дамы нарядились в нешитые шелковые платья нежных персиковых и сиреневых оттенков. Это шелк ткали на материке специально для киримской знати – в империи предпочитали яркие, насыщенные краски. Только платье Касимы было строго предписанных гербовых цветов – золотого, как полуденное солнце, и белого, как чистая совесть.

– Приятно посмотреть на дам в национальных уборах! Кажется, что мы вернулись в древние сказочные времена. За возрождение традиций! – провозгласил муж, поднимая чарку с вином.

Касима взглянула на него с досадой.

«Что-то уже унюхал, вы на него посмотрите! – подумала она. – Ну что ж, это как-никак его работа – всё про всех знать...»

– Что бы я ни собиралась сделать, это будет во благо родной провинции и к вящей славе императора, – сказала она, с вызовом глянув ему в глаза.

Младший муж поклонился, допил вино и поставил чарку на стол.

– Однако книжник заждался на галерее. Развлекайтесь, дамы. Увидимся, Иро.

Когда за ним закрылась дверь, Касима выждала немного, и, приглушая голос, сказала:

– Благородные дамы, я рассчитываю на вашу скромность. То, что вы сейчас услышите, должно остаться в секрете. Если хоть словечко просочится, берегитесь – накажу всех!

Дамы наперебой заверили княгиню, что будут немые как рыбы.

– Тогда...

Касима заправила за ухо прядь, выпрямилась и приказала:

– Пригласите почтенного ученого.

На галерее послышались шаги, и в малый зал, чуть прихрамывая, вошел Кагеру.

На нем была просторная, до земли, серая ряса государственного культа Господина Семи Звезд. Войдя, первым делом он нашел взглядом жаровню, потом алтарь, а потом уж взглянул на княгиню и церемонно ей поклонился.

Вслед за чародеем в залу проскользнул Анук, в одежде послушника, сгибаясь под тяжестью набитого свитками короба. Подросток немедленно привлек к себе внимание всех фрейлин. «Ах, какой красивый мальчик!» – говорили их откровенно восхищенные взгляды. Пусть он скромно опускает глаза и изо всех сил делает постную мину, но взгляд у него так и вспыхивает огнем, а нежный, яркий румянец пламенеет во всю щеку. «Какая жалость, что он – ученик этого засушенного монаха», – подумали самые юные и самые опытные из дам.

Одна Касима даже не взглянула на Анука. Она с любопытством рассматривала худого, прямого как палка пожилого монаха, который – если все получится, – поможет ей прославить её княжение в веках и выделиться из безликой череды провинциальных правителей.

«Рекомендую вам преподобного Кагеру, одного из самых образованных людей архипелага, и, безусловно, лучшего знатока древней истории Кирима, – вспомнились ей слова ее духовного наставника, настоятеля столичного храма Небесного Балдахина. – У него, кажется, есть именно то, что вам нужно...».

– Садитесь, преподобный Кагеру, – пригласила его за стол Касима. – Нет, не к очагу, там же жарко! Сюда, ко мне поближе...

Фрейлины поспешно освободили монаху почетное место. Ближайшая собственноручно налила ему травяного чая. Кагеру ответил вежливым, но холодным кивком, даже на нее не взглянув. Как и ни на одну из дам, среди которых не было ни одной некрасивой. Его глаза, как и положено монаху, смотрели сквозь мир обмана и иллюзий, в невидимое.

«Что ж, выглядит он достойно, – подумала княгиня. – Именно так я и представляла настоящего ученого. Но неужели ему действительно удалось найти в нашей древней истории нечто, способное удивить сам Небесный Город?»

Касима кашлянула.

– Возможно, кто-то из присутствующих еще не знает, по какому поводу мы тут собрались?

В зале воцарилась почтительная тишина.

– Как завещал Желтый Государь, государство должно строиться на принципах семейственности, – Касима, чтобы блеснуть образованностью перед ученым монахом, начала с цитаты, как это было принято в империи. – «Царство – семья, государь – мудрый отец, подданные – почтительные дети». Мудрый отец, – или, в нашем случае, заботливая мать, – должна заботиться о том, чтобы ее дети были сыты, одеты, довольны и благополучны. Хвала Семизвездному, в моей провинции нищих и голодных почти нет...

– Народ благоденствует под вашим мудрым правлением! – льстиво добавила одна из придворных дам.

– Это так, – согласилась княгиня. – Но нельзя забывать и о духовном голоде. И вот здесь всё не так благополучно, как хотелось бы. Киримская культура – наше больное место. По сравнению с имперской она ничто. Грубые суеверия, деревенский фольклор, вместо величественного пантеона божеств – какие-то убогие духи ручьев и деревьев, лешие и домовые. Когда я об этом думаю, мне становится стыдно, что я принадлежу к такому отсталому, неразвитому народу...

Кагеру слушал с каменным лицом.

– Но только не подумайте, что я бездействую! Я знаю, в чем мой долг правителя. К примеру, в прошлом году в окрестностях столицы было заново отстроено прекрасное пятисотлетнее здание непонятного назначения, известное в народе как «Храм Слепящего Пламени»...

– Возможно, из-за формы крыши, – подсказал кто-то.

– Далее, мы уже дважды проводили при дворе поэтические состязания, предприняв попытку вывести пятнадцатисложные пейзажные частушки на более высокий литературный уровень... Но всё это – лишь капли в море. Ах, если бы найти что-нибудь по-настоящему выдающееся, что бы заставило мир усомниться в дикости и отсталости нашей страны!

И Касима выжидающе взглянула на Кагеру.

– Прошлое Кирима подобно морю, – бесстрастным голосом заговорил «монах». – Оно кажется пустынным лишь случайному поверхностному взгляду, истинные сокровища скрыты в глубинах. Мнимая грубость и дикость киримской культуры – вздор и клевета. Я – человек далекий от суеты. Однако, подумав, я решил ответить на просьбу вашего духовного наставника и согласился вам помочь. И не только ради того, чтобы восстановить справедливость. Скоро вы сами поймете, что нет большей радости, чем видеть, как возвращается в мир утраченная красота.

Придворные дамы даже притихли от таких возвышенных слов. Одна Касима не растерялась.

– Прекрасно сказано! Вы до тонкостей поняли мой замысел! А теперь покажите, с чем вы к нам пожаловали.

Кагеру, не оборачиваясь, окликнул послушника:

– Анук, свитки!

Подросток, сидевший на корточках у стены и с удовольствием созерцающий лицедейство Кагеру, восторгнулся и пододвинул к столу набитый свитками короб.

– Что есть театр? – заговорил Кагеру среди всеобщего молчания. – Подражание жизни, занятая история, представленная для развлечения и удовольствия публики? Да, именно таков театр в империи, как придворный, так и деревенский балаганный. Но ритуальный театр древнего Кирима – нечто гораздо большее. Под внешней развлекательной оболочкой скрываются глубина и тайна, и не побоюсь этого слова – магия...

Придворные дамы переглянулись.

– Театр?

– Первый раз слышу о том, что на островах Кирим был какой-то театр, кроме кукольного! – выразила всеобщее мнение одна из них.

– Увы, он совершенно забыт, – согласился Кагеру. – Кукольные балаганные представления – это простонародная забава. Древний игровой театр был изысканным развлечением для знати.

Зал наполнился гулом и шепотом.

– Продолжайте, – с любопытством сказала Касима. – Значит, театр. И что в нем было такого особенного?

– Представим сцену, подобную дверям в мир богов и духов. Действо длится целый день, с утра и до вечера, сопровождаясь пением и танцами. Первая, утренняя часть всегда обманчиво медлительна и безмятежна. Она исподволь завораживает зрителя, уводя его из мира грубой обыденности в мир выдумок и видений. Второе, дневное отделение, напротив, живо и увлекательно, наполнено деяниями и страстями любви и ненависти. В третьем, вечернем, наступает время ужасов и волшебства. Тогда срывают маски, развеивают иллюзии, являют истинное лицо. Красавица может оказаться горной ведьмой, монах – злым чародеем, а романтический герой – голодным демоном...

При этих словах всем вдруг показалось, что в зале стало темнее. Мигнули светильники, повеяло холодком из углов. Касима задела случайно руку Кагеру – брр, холодная, как лягушка! На миг этот монах, с его бескровно-бледной кожей и странными, словно сглаженными чертами лица, с его синеватыми губами и тусклым взглядом, показался ей похожим на вставшего из могилы мертвеца. Княгиня вздрогнула и отодвинулась. Анук, тихой мышкой сидевший за спиной Кагеру, ухмыльнулся, шепнул что-то – и наваждение сгинуло.

– ... а перед самым закатом действо заканчивается, – закончил Кагеру. – Зритель уходит, словно прожив за день всю свою жизнь, очищенный встречей с истиной.

Никто не спешил нарушать тишину.

– Похоже, преподобный, вы действительно отыскиали нечто стоящее, – сказала наконец Касима, улыбаясь через силу. – Если даже от ваших слов стало как-то не по себе – что же будет, когда мы увидим пьесу?

Из-за спины Кагеру донеслось сдавленное хихиканье «послушника».

– Вовсе не обязательно это будет страшная пьеса, – возразил Кагеру. – К счастью, нам есть из чего выбрать. Я принес всё, что удалось собрать во время моего последнего путешествия по стране, а так же все свитки, которые хранилось в моей личной библиотеке... – Кагеру быстро поправился, – точнее, в библиотеке моего монастыря. Извольте ознакомиться.

Он раскрыл короб и протянул княгине верхний свиток.

– Вот список пьес, разделенных на группы по темам, дабы облегчить вам выбор. Вот пьесы о героях, пьесы о призраках, пьесы о несчастных влюбленных...

– Ах, то, что надо! – оживилось сразу несколько дам.

– ...о порочных монахах, о раскаявшихся разбойниках. Наконец, о богах...

– О ком, о ком? – удивленно спросила Касима, держа в руках свиток. – Каких еще богов? Разве в древнем Кириме были боги?

Кагеру странно посмотрел на нее и пояснил:

– Я имел в виду сказочные пьесы.

– Деревенский фольклор! Вот это уже любопытно! – оживилась княгиня. – Понимаете, пьесы о несчастных влюбленных, о порочных монахах... ну, это тривиально. Этого добра полно и в имперском театре. А вот наши киримские сказки – это колоритно, это и есть возрождение традиций.

– Тем более, – добавила одна из фрейлин, – наверняка ведь можно подобрать такую сказку, в которой будут и демоны, и несчастные влюбленные...

– И какие-нибудь сказочные существа из деревенского фольклора, вроде барсуков-оборотней, русалок или драконов, – сказала другая. – Мой старший муж ездил с инспекцией в край Мок и привез оттуда потешный чайный котелок, который, говорят, в новолуние прекращается в барсука...

Касима нетерпеливо махнула рукой, призывая фрейлин замолчать.

– Не галдите! Итак, мы решили, что волшебная сказка нам больше всего по нраву. Давайте теперь выберем пьесу. Преподобный, вам есть что предложить?

– Конечно. Затем я к вам и пришел. Анук!

«Послушник» быстро достал из сумки еще один свиток и с поклоном передал учителю. Увлеченная Касима непринужденно заглянула сихану через плечо. Кагеру поджал губы и ото двинулся.

– Волшебные пьесы...хм... Вот, к примеру – пятиактная пьеса о двух влюбленных соснах. Короткая, идет всего полдня. Пьеса обладает чудодейственными свойствами, притягивает удачу и здоровье...

– Какое странное суеверие!

– Правда, она не слишком увлекательна. «Сказание о двух соснах» – одна из наиболее древних пьес, а потому несколько примитивна. Почти нет действия. Однако если вас интересует именно возрождение традиций...

– Дальше.

Кагеру взял второй свиток.

– А вот пьеса из разряда «О призраках». Жутковатая история любви мертвой девушки и ее бывшего жениха. Судя по ремаркам на полях, была некогда знаменита. В провинции Мок ее до сих пор разыгрывают каждый год на ярмарках. Пьеса приурочена к дням Голодных Духов. Рекомендуются играть ее в самую жару, дабы возник приятный контраст с холодом и тьмой Нижнего мира...

– Как раз то, что нам сейчас не хватает! – фыркнула Касима. – Впрочем, нет. Мрачновато для премьеры. К тому же до дней Голодных Духов меньше месяца, мы можем не успеть. Что у вас есть еще?

– Пьеса о рыбаке, попавшем в царство морского царя-дракона и похитившем морскую царевну. Эту пьесу полагается играть на открытом воздухе, желательно в сосновой роще на берегу моря. Тут вам и любовь, и волшебные существа из народного фольклора...

– А ведь на побережье как раз есть отличная сосновая роща, – воскликнула одна из фрейлин. – И всего день пути отсюда!

– Там, кажется, какие-то развалины, – заметила другая. – Они не помешают?

Кагеру сделал вид, что вспоминает.

– А-а, вероятно, вы имеете в виду заброшенное...хм... святилище на большом холме, что в паре ри к востоку от северного тракта?

– Да, да, там еще недалеко рыбацья деревушка...

– Что ж, вот эта идея совсем неплоха, – милостиво кивнул Кагеру. – Сосновый холм у моря как нельзя лучше подойдет для пьесы о рыбаке и морской царевне. Действие будет двойное, благожелательное и увлекательное. Что скажете, госпожа княгиня?

Касима сидела, задумавшись. Идея поставить пьесу на берегу моря, под шум волн, неожиданно захватила ее. И снова залу словно заволокло туманом, а голоса отдалились. Княгине въяве представился помост под ярким шатром, актеры и музыканты, сотни зрителей вокруг него, высокие гости из империи, и в первом ряду – она, Иро Касима. «Какое чудо! – говорит наместник Неименуемого. – Я никогда в жизни не видел ничего подобного! Вы просто обязаны показать это в Сонаке!» «Я всего лишь поддерживаю культурные традиции своего народа», – скромно говорит она...

– Итак, решено! – воскликнула она, возвращаясь из мира мечтаний в малый приемный зал. – Мы будем ставить пьесу о рыбаке и драконе! В заповедной роще будет построен театр, и не позднее начала осени...

Неожиданно княгиня прервалась и испуганно взглянула на Кагеру:

– Преподобный... Но ведь вы сами сказали – от древнего театра не осталось ничего, кроме нескольких старых свитков с пьесами! А как же костюмы, декорации? И главное, кто будет заниматься постановкой? Не хотелось бы привлекать лицедеев придворного театра. Это совсем другая традиция... и не получится никакой тайны, никакого сюрприза...

Кагеру улыбнулся.

– Госпожа, не беспокойтесь. Волей случая у меня есть то, что вам нужно. На севере провинции Мок, как я уже сказал, все еще прозябает крестьянской кукольный театр, уходящий корнями в глубокую древность. Собирая тексты пьес, я поговорил с несколькими известными актерами – разумеется, не кукловодами, а с мастерами, которые декламируют текст, – и выбрал одного, который показался мне подходящим. Он – актер высокого уровня, и руководитель, на мой взгляд, самой сильной труппы на севере. Его зовут мастер Терновая Звезда. Признаюсь, его голос и искусство передавать эмоции производят впечатление...

Касима взглянула на монаха с неподдельным восхищением.

– Вы провели огромную работу! Как вас вознаградить?

– Доведите свой прекрасный замысел до конца, не бросайте его на полпути, – ответил Кагеру, склонив голову. – Иной награды мне не надо.

Подробности будущего спектакля обсуждались еще долго. Кагеру и Анук ушли от княгини, когда небо на востоке уже начало светлеть. Гости, придворные и члены семьи Касимы, зевая, расходились по своим покоям. Никто не видел, что Кагеру, переступая через порог, едва не упал от слабости. Выйдя на галерею, он неровным шагом подошел к ближайшему фонарю и протянул к нему обе руки.

– А, вот ты где! – из темноты незаметно появился Анук. – Всё прошло отлично! Здорово я пугнул этих куриц! Малость, но им хватило. Мы сумели заинтересовать княгиню театром, а дальше – уже дело Сахемоти. Эй, хватит обниматься с фонарем! Что ты делаешь, мокквисин?

Кагеру повернулся к мальчику. На щеках проступил румянец, губы порозовели, взгляд стал стеклянный и пронзительный.

– Не видишь – отцепляю фонарь, – хрипло сказал он. – Без огня я не смогу идти ночью через лес, и ты прекрасно об этом знаешь.

– Полагаешь, это меня огорчает? – улыбнулся подросток хищной недетской ухмылкой. – Шевелись, мокквисин, дорога далека. Пора к Сахемоти, с отчетом.

Кагеру вздохнул и послушно поплелся вслед за Ануком в темноту.

Глава 7. Мастер Терновая Звезда.

Неподалеку от северного тракта на Асадаль, в десяти ри от замка Касимы и полутора ри от почтовой станции Репейники, на холмистом морском берегу поднимается одинокая гора Омаэ, по-древнекиримски «Дар божеству», поросшая сосновым бором. Со стороны моря, где сосны растут реже, видны остатки разрушенной постройки, уступами спускающейся к дюнам и песчаному пляжу. Эта гора считается заповедной, а почему – никто толком не знает, да и не задумывается. Здесь никто никогда не жил, рыбаки предпочитают высаживаться на берег в других местах, и даже разбойники сюда не забредают. Возможно, дело в развалинах. От них почти ничего не осталось – только если хорошенько приглядеться, тут и там под слоем песка и хвои проступают то длинные плоские камни фундамента, то выщербленные ступеньки. Должно быть, много десятков, а то и сотен лет назад на этом холме стоял замок или храм. Память не сохранила имя его хозяина. Зато любому ребенку известно, кто водится в древних руинах. Особенно по ночам.

Солнце клонилось к закату. Через пляж протянулись сизые тени, на сосновых стволах застыли капли вытопившейся смолы. С моря порывами налетал свежий соленый ветер, остужая дневной жар. Волны разбивались о рифы. Со склонов дюн змеились тонкие струйки песка, скрипели огромные древние корабельные сосны. Приморский ветер давно выдул песок из-под их могучих корней, создав норы, в каждой из которых могли бы укрыться несколько человек. Дюны были густо усыпаны сухими ветками, иглами и прошлогодними шишками. Ничего, похожего на тропинку тут и в помине не было.

– Я больше не могу! – тихо простонала самая старшая из придворных дам, отклеивая подол от сосновой коры и в ужасе взирая на то, во что превратился палевый шелк.

Княгиня Касима с многочисленной свитой пробиралась к побережью напрямик через сосновую рощу. Три десятка придворных дам ковыляли на высоких лакированных подставках, подобрав полы и завязав на спине длинные рукава, вязли в песке, спотыкались, потели, прилипали к смолистым стволам и пачкали о корни белоснежные носки. На лицах дам была отражена скорбь о погибающем макияже. Ветер, словно забавляясь, бросал женщинам в лицо песчинки, превращая безупречно гладкую кожу в рябой кошмар. Все они страстно завидовали мужчинам и слугам, которые наслаждались отдыхом на почтовой станции. Выехали они засветло и прибыли, как и рассчитывала Касима, на вечерней заре, но всем непосвященной молодая княгиня строго запретила даже приближаться к горе Омаэ.

– Дамы, веселее! – с наигранной бодростью воскликнула Касима, шагавшая впереди цепочки рядом с Кагеру. – Отнеситесь к трудностям пути как... как к приключению! Надеюсь, еще до полуночи мы вернемся домой! А завтра устроим поэтический турнир на тему «Путешествие среди песков и горных круч»...

– Если раньше не переломаем ноги, – процедила сквозь зубы старшая придворная дама.

– Клянусь, это первый и последний раз. Я прикажу устроить деревянные ступени с поручнями и навесом от солнца, – ободряюще улыбнулась ей Касима. – Осталось ведь совсем недолго, правда, преподобный Кагеру? Не устаю удивляться этой местности! Эти странные песчаные холмы напоминают дно древнего моря...

Касима, показывая дамам пример выдержки, храбро взобралась на высоченную дюну, влезла на плоский прямоугольный камень с углублением в центре, огляделась.

– Ага! Внизу костер и какие-то люди! Где же эти знаменитые развалины?

– Вы на них уже стоите, госпожа княгиня, – заметил Кагеру, с любопытством взглянув ей под ноги. – Если не ошибаюсь, постройка спускалась вниз террасами, постепенно расширяясь к основанию, и мы сейчас на самом верхнем ярусе. А как раз там, куда вы изволили влезть, судя по всему, был жертвенник.

Касима, отвернувшись, махала дамам.

– Сюда, сюда! Смотрите, как удобно! О, тут даже ступени! А где будет сцена?

– Вон там, на нижнем ярусе.

– Значит, здесь мы устроим зрительские места... Вы только представьте, дамы! Представление в древнем театре идет целый день. Зрители приходят и уходят, выпивают, закусывают, обмениваются впечатлениями...

– Прекрасное времяпрепровождение, – кисло согласились дамы.

– Ну что ж, а теперь пойдёмте, преподобный, познакомимся с этим вашим непревзойденным мастером-лицедеем из лесного края...

Касима ловко спустилась с камня и поспешила вниз.

Ступени привели гостей на обширную прямоугольную площадку, вымощенную каменными плитами. Часть площадки загромождали крупные обломки, вероятно, давным-давно упавшие сверху, и сухие сосновые ветки. Площадку, громко перекликаясь, расчищали наемные рабочие. Рабочими руководил высокий худой человек с длинными белыми волосами. Рядом с ним стояли еще двое, о чем-то оживленно споря. У подножия холма горел костер, рядом с ним лежал перевернутый чугунный котел, однако до ужина явно было еще далеко.

– Нет и еще раз нет, – раздавался негромкий, звучный, очень спокойный голос – из тех, что способны своим спокойствием довести собеседника до белого каления. – Сосны рубить нельзя. Вот там, за дюнами, рубите сколько вам заблагорассудится, а эти оставьте в покое.

Ему отвечал раздраженный голос старшины плотников.

– Но почему? Из-за холма таскать в десять раз дольше и сложнее, а здесь все материалы под рукой...

– По-вашему, я должен играть среди пеньков? Я должен перевоплощаться в морского царя посреди лесопилки? Чтобы ни единой срубленной сосны отсюда, – беловолосый изящно повел длинным рукавом, – и во-он дотуда я не видел.

– Но таскать стволы с той стороны горы! Если зайти чуть левее, отсюда будет уже не видно вырубки...

– Да, кстати – запах тоже очень важен. Зрители должны обонять ароматы моря... древности... хвои... Но никак не смоляного вара и гнилых опилок.

– Но... Ах, ладно. Дело ваше. Отчитываться за пустой перерасход будете сами!

Старшина плотников пожал плечами, и что-то бормоча по поводу нелепых актерских капризов, отошел к костру. Его помощники тем временем уже ползали по каменной террасе, отмеряли, вбивали колышки и протягивали веревки.

– Готовят место для сцены. Мастер не теряет времени даром, – отметил Кагеру. – Госпожа княгиня, позвольте представить вам лучшего актера севера. Сейчас мастер выступает под сценическим именем Терновая Звезда.

– Зовите меня попросту Звезда, – скромно произнес Сахемоти, складывая ладони у груди и слегка кланяясь.

– Так вы и есть тот самый великий кукольник?

Касима с любопытством и недоверием разглядывала «знаменитость». Ей пришлось задрать подбородок, чтобы взглянуть ему в лицо – мастер Терновая Звезда был выше нее по крайней мере на голову.

– Я не кукольник, – ответил актер, выпрямляясь. – Кукольники управляют марионетками, а я управляю куколками. Я – голос и вдохновение моего театра. А также ум и кошелек. Поскольку организационные и финансовые дела труппы тоже на мне... Конечно, я всего лишь провинциальный комедиант, – добавил он и снова поклонился, как будто вспомнив о приличествующей скромности. – Я безмерно счастлив и горд, что мне выпала честь лично послужить правительнице островов Кири́м!

«Что-то не чувствую я этой безмерности», – с сомнением подумала Касима, в упор разглядывая собеседника.

Внешность мастера Терновой Звезды была необыкновенной. Очень высокий, и кажащийся еще выше в сандалиях на подставках-платформах, по-юношески стройный и худощавый, он держался со спокойной уверенностью человека, который ни о чем не заботится и ничего не опасается. При первом взгляде на его правильное продолговатое лицо ему можно было дать лет двадцать семь – двадцать девять. Однако судя по речам и манерам, лицедей явно был гораздо старше. Касима взглянула наметанным глазом, как лег грим, посмотрела на кожу его шеи и рук, и решила, что «великому актеру» около сорока. Длинные пышные седые волосы, – вероятно, парик, – придавали ему совершенно фантастический вид. «Человек без пола и возраста, – подвела итог Касима. – Такой в самом деле может перевоплотиться во что угодно, сыграть и старика, и юношу, мужчину и женщину. А глазищи-то...ух...даже жутко...»

Глаза у Терновой Звезды тоже были не как у людей: огромные, прозрачные, цвета ртути.

Предупредительная, несколько усталая улыбка мастера контрастировала с его вычурным зловещим нарядом. Многослойное дорогое одеяние было выполнено в мрачной красно-черной гамме. По верхней накидке шел узор – нечто вроде длинных серых игл. Вероятно, они должны были символизировать ветки терна, но получилось больше похоже на колючки дикобраза. За пояс заткнут знак ремесла – большой сложенный веер.

– Прекрасное и таинственное место эта гора, – сказал он, глядя на Касиму сверху вниз. – Оно вполне соответствует духу пьесы. Вам так не кажется, княгиня?

Касима прищурила глаза. Да чем себя возомнил этот лицедей? Разговаривает с ней как с равной! И, похоже, считает, что имеет на это полное право!

– А где ваша труппа, мастер Звезда? Я вижу только плотников и поденщиков.

– Моя труппа, как обычно, разъезжает по городам и селам провинции Мок. Я не стал брать ее сюда.

– Почему?!

– Вы имеете представление о том, что мы будем здесь делать? Понимаете специфику кукольного театра?

– Нет, – надменно сказала Касима.

– Мои кукольники не годятся. Умение ловко двигать руками, передавая эмоции пальцами и запястьями – это совсем не то, что мне надо от актеров игрового театра. Я прибыл только с парой слуг и помощников. Часть из них здесь, со мной, другие остались в городе.

– А как же ваша труппа? Вы бросили ее на произвол судьбы?

– Моя труппа будет пока выступать без меня. Конечно, ее доходность резко упадет, но я рассчитываю вернуть деньги...

– Пожалуйста, о вознаграждении не беспокойтесь, – Касима снисходительно улыбнулась.

– Вы меня не поняли, госпожа княгиня, – в точности копируя ее выражение лица, перебил Сахемоти. – Я не собираюсь торговаться. Конечно, я не сомневаюсь, что буду работать не бесплатно, и это естественно для артиста моего ранга. Но деньги для меня не главное. Я с огромным интересом приму участие в эксперименте по возрождению национального театра. Потому что, как и вы, страстно увлечен народным искусством.

«Ну надо же – одолжение мне делает! Каков наглец! Он, видно, считает, что мне без него не обойтись!»

Касима едва не рассердилась. Впрочем, мастер Звезда, несмотря на его актерскую спесь, показался ей достаточно сообразительным и компетентным человеком для отведенной ему роли.

– Что ж, я рада найти в вашем лице не просто исполнителя, но и единомышленника, – сказала она с холодной любезностью. – Постарайтесь произвести на меня благоприятное впечатление – и, возможно, я даже сделаю вас главным постановщиком моего будущего спектакля...

Сахемоти церемонно поклонился, а затем бесцеремонно засмеялся.

– Похоже, я уже взвалил на себя эти обязанности. Наш преподобный Кагеру обрисовал мне объем работ и честно сказал, что кроме меня, организовывать всё это некому. Но организационные хлопоты меня не пугают. Дело привычное. Самое сложное – найти подходящих актеров на главные и вспомогательные роли. Всё остальное: бутафоры, костюмеры, музыканты, – это детали. Мои помощники в городе уже начали подбор музыкантов для инструментального сопровождения спектакля...

Касима удивленно подняла брови.

– У вас нет даже музыкантов? А я думала, что вы привезете своих!

– Если бы я привез своих, мне пришлось бы тащить сюда всю труппу, а почему я этого не сделал, я уже объяснил, – терпеливо повторил актер. – Ничего, местные музыканты подойдут. Я сам научу их правильно петь и танцевать. Спектакль сопровождают очень древние песни, аккомпанемент достаточно простой. Музыкальное сопровождение консервативно, оно не меняется столетиями...

– И со всем этим вы собираетесь справиться один? – с явным недоверием уточнила Касима. – И режиссура, и инженерные работы, и подбор актеров... и даже обучение песням с танцами? Это уж как-то слишком... самонадеянно.

– Не верите?

– А вы можете предоставить доказательства?

– Прямо сейчас?

Глаза Касимы блеснули:

– Вот именно. Покажите нам, мастер Звезда, на что вы способны!

Несколько мгновений Касима наслаждалась выражением замешательства на лице хвастливого актера.

– Вы подвергаете суровому испытанию мои скромные таланты.

– Я уверена, что вы справитесь, – Касима огляделась и уселась на ближайший камень. – Приступайте. Обожаю сюрпризы.

– Что там? Что? – перебивая друг друга, раздались взволнованные голоса. – О! Сейчас будет представление!

Придворные дамы оживились и принялись рассаживаться по краю террасы, придирчиво осматривая камни и корни в поисках мест почище. Сахемоти медленно обошел «сцену», в задумчивости поглядывая то под ноги, то в быстро темнеющее небо.

– Солнце вот-вот спрячется, – проворчал он. – Что можно сыграть в темноте? Впрочем, есть одна легенда... Эй! – крикнул он рабочим. – Подкиньте веток в костер и разложите быстренько еще один, с той стороны. А между кострами поставьте вот этот котел вверх дном...

– Как интересно!

– Дальше будет еще интереснее, – пообещал лицедей. – Все ли собрались? Придется немного подождать, пока будут готовы декорации и освещение. А чтобы вы не заскучали, я познакомлю вас с предысторией...

Сахемоти выдержал паузу, дожидаясь полной тишины и внимания. Затем медленно церемонно поклонился на все четыре стороны, касаясь лбом земли. Вставать он не стал, так и оставшись сидеть на пятках. Спину выпрямил, руки положил на колени. Позади него рабочие, тихо перебрасываясь словами, разводили второй костер, со скрипом волокли по песку котел.

Бледное лицо актера постепенно обрело неподвижность маски. Глаза потемнели, запали, погрузились в тень, превратились в две дыры без зрачков. Некоторые дамы помладше даже слегка оробели. Глядя на эту мертвенную маску, казалось, что ее обладатель сейчас не в этом мире, а где-то очень далеко, в безднах собственной памяти – в такой глубине, куда ни один человек без страха заглянуть не сможет.

– Прежде всех времен, когда не было еще ни земли, ни неба, а только одна безграничная гладь Тайхео и бездна звезд над ней, – громко, нараспев заговорил Сахемоти, – первая женщина и ее мужчина, священные супруги-близнецы, пришли по радуге из Надмирной Тьмы на землю, чтобы поискать себе пищи...

Зрители внимали словам легенды, почти не вдумываясь в их смысл – настолько всех поразила манера рассказа. Мастер Терновая Звезда, словно для того, чтобы сделать темные слова еще более непонятными, каким-то образом декламировал их так, будто они доносились не у него изо рта, а издалека, прямо из воздуха, или из-под земли. Даже голос у него изменился, став низким и торжественным, как у жреца. От одного этого звука по спинам бежали мурашки. Одна только Касима сидела, лучась от удовольствия. Именно такой диковатой, наводящей дрожь экзотики она и ожидала от своей театральной затеи.

– ...первый мужчина наугад ударил в воду своим копьем – и сразу наткнулся на нечто, похожее на огромную медузу, плавающее по воле ветра и течения, словно оборванная водоросль. То была новорожденная земля, еще мягкая и не имеющая корней. В испуге выдернул мужчина копье, и с него скатилась в волны капля крови, а за ней еще, и еще. Когда эти капли остыли и сгустились, возникла твердь. Так родился архипелаг, впоследствии названный Кирил. Супруги-близнецы спустились по радуге на землю и решили там поселиться...

Неожиданно Сахемоти поменял манеру изложения и добавил обычным голосом.

– Это было вступление. У супругов-близнецов родилось множество детей, но это совсем другая история, и я поведаю ее вам как-нибудь потом. Пока же вам достаточно узнать, что старшими были близнецы: сестра – Солнце и брат – Ветер. О них-то и пойдет речь.

– А как звали первых людей? – робко спросила какая-то молоденькая дама.

– Все это было так давно, что никто не помнит их имен.

– Вы сами придумали эту историю?

– Конечно, нет. Это старинная легенда о рождении островов Кирил.

– Немного наивна и несуразна, но старинные сказки всегда глуповаты, – сказала Касима, расправляя атласные рукава. – Обязательно прикажу ее записать. Продолжайте.

Сахемоти оглянулся, не вставая с колен. Сцена была готова. Плотники отошли к нижнему краю террасы и сели на землю. По обеим сторонам террасы полыхали два высоких костра, между ними черным пузырем торчал перевернутый котел, отбрасывая одновременно две тени. Тени вздрагивали в такт пламени, словно котел был живым существом. Сахемоти плавно поднялся на ноги, вытащил из-за пояса веер и щелчком распахнул его.

Воздух вдруг стал вязким, словно грозовая туча повисла над сосновым холмом. Многим стеснило грудь, стало трудно дышать, у иных зазвенело в ушах или заныли виски. Сахемоти поднял веер, опустил голову, чтобы лицо полностью оказалось в тени, и низким гортанным речитативом заговорил-запел:

– Я – Ветер. Моя сущность – злоба и ярость. Больше всего на свете я люблю пакостить и разрушать...

Мастер вытянул перед собой руки медленным текучим шагом двинулся по кругу, разрезая веером пространство между кострами.

– Все восемь миллионов духов, мои братья и сестры, видимые и невидимые существа, боятся и ненавидят меня за жестокие шутки. Но никто не смел и слова мне сказать, до того дня, когда я забросил дохлую лошадь с ободранной шкурой на крышу дома, где ткала моя сестра-Солнце. Она оскорбилась и закрылась в пещере, заложив вход каменной дверью. Небо и земля, и мировой океан Тайхео – всё скрылось во мраке. Наступила вечная ночь. Темнота наполнилась голосами миллионов бесов. Они множились, как летние мухи, питаясь людскими страхами.

Терновая Звезда шел плавно, словно медленно летел над землей. Он завершил круг и остановился возле котла.

– Восемь миллионов духов долго умоляли Солнце выйти. Но она даже не ответила им. Тогда они обратились ко мне. «Из-за тебя она покинула мир, – сказали они. – Попроси прощения!» Я долго отказывался, но потом мне на ум пришла отличная шутка. «Просить не буду, – сказал я. – Сестра-Солнце все равно меня не послушает. Лучше я попробую разыграть ее еще раз...»

Теперь лицо актера было обращено прямо к зрителям. Пламя костров окрасило его бледную кожу в адские багровые тона.

– «Соберите хворост и разожгите костры у входа в пещеру, – приказал я. – Принесите большой глиняный горшок. И кричите погромче!»

Сахемоти вдруг как-то незаметно оказался стоящим на днище чугунного котла. Раздался негромкий ритмичный перестук. Актер широко развел руки в стороны и начал вращаться, притопывая – сначала медленно, потом всё быстрее. Только и видно было, как развеваются полы и рукава его вычурного наряда и длинные белые пряди волос. Актер кружился все быстрее и быстрее, превращаясь в огненный вихрь, перестук деревянных подошв превратился в монотонный рокот. Касима, поначалу с любопытством ожидавшая, когда же танцор свалится с котла, сидела бледная, вцепившись обеими руками в края каменной глыбы. Ей казалось, что Терновая Звезда неподвижен, а вращается мир вокруг него. Кружились звезды в небе, кружились сосны и озаренные огнем лица зрительниц, кружились тени – каждая в свою сторону. Костры превратились в две кометы, рассекающие темноту. А Терновая Звезда все танцевал, все усложнял и ускорял ритм. Ритмичный четкий стук деревянных подставок в чугун. Хлопанье, шелканье и шелест веера. Свистящее шипение рассекающей воздух шелковой материи. Оба костра сливаются в один, и на миг на нижней террасе брошенного храма возникает видение – человек, самозабвенно танцующий в вихре пламени. Касима резко вздохнула и прижала руки ко рту.

– Это же солнце! Он танцует... солнце!

Казалось, Терновая Звезда охвачен экстазом, однако он услышал возглас княгини и тут же прекратил танец. Он легко спрыгнул с котла, и, даже не пошатнувшись, как ни в чем не бывало, продолжил свой рассказ:

– От грохота моих сандалий задрожала сама темнота. Я танцевал, костры пылали, а восемь миллионов духов кричали в восторге: «Солнце! Солнце!» Наконец моя сестра не выдержала. Удивленная таким весельем во мраке, она приоткрыла каменную дверь своей пещеры и спросила:

– Что за шум?

– Мы радуемся танцу солнца! – ответили ей духи.

– Солнце – это я! – возмущенно ответила она, выглядывая из пещеры в поисках соперницы.

– Не-е-т! – ответил я ей, хватая ее за руку и вытаскивая наружу. – Солнце – это я!»

Сахемоти щелкнул веером, складывая его и убирая за пояс, и торжественно закончил:

– Вот так вечная ночь была побеждена, а Солнце обмануто и навсегда возвращено в наш мир!

На террасе воцарилась тишина. Никто не шевельнулся: застывшие взгляды, приоткрытые рты, стиснутые потные кулачки... Всем казалось, что мир все еще вращается вокруг танцующего обманщика-Ветра.

– Ну что, достаточно доказательств? – спросил актер, обращаясь к княгине.

Касима не ответила. Она как замороженная неподвижно смотрела в глаза Сахемоти, в которых отражались догорающие костры.

Наконец Кагеру, с каменным лицом наблюдавший за выступлением, встал и несколько раз хлопнул в ладоши, чтобы прогнать наваждение. Напряженная тишина была нарушена. По

его примеру в толпе раздались разрозненные хлопки, затем вздохи, перешептывание, шелест платьев... и вот наконец один за другим, сливаясь в хор, зазвучали восторженные возгласы.

– Нет слов! Никогда не видела ничего подобного!

– Потрясающе!

– Божественно!

– Какая необычная история! Это тоже народная легенда?

– Какой искусный танец!

Мастер Терновая Звезда, окруженный дамами, раскланивался и отнекивался.

– Дамы, это всего лишь простенький неумелый танец и забытая деревенская сказка.

Прошу проявить снисходительность к моему скромному таланту...

– Вы превзошли мои ожидания, – тихо сказала ему Касима, отведя в сторону. – И даже слегка напугали. Вы не поверите, но мне показалось, что я все это уже когда-то слышала...или видела.

– Во сне? – с невинным видом предположил Сахемоти.

– Ох, не знаю. Зато теперь я наверняка не усну целую ночь, буду вспоминать...

– Таково действие истинного искусства, – улыбаясь, ответил актер.

И снова княгиня не поняла, дерзит он или просто говорит, что думает. Но теперь ее это совершенно не озаботило. Она и сама не могла сказать, чем ее так разволновало это коротенькое и, в общем-то, незамысловатое представление. Всю обратную дорогу перед ее глазами стоял Терновая Звезда, танцующий среди пламени и сам похожий на пламя, а в ушах звучал его низкий голос.

Глава 8. Приятные воспоминания ночью у моря.

– Наконец-то они все отсюда убрались! – заявил Анук, сладко потягиваясь. – Я уж думал, что княгиня никогда не уgomонится. Клянусь, она бы проторчала здесь всю ночь, если бы не взвыли ее служанки. Ну что, старший брат, поздравляю – ты еще далеко не всё забыл и растерял. Танец был превосходен, пение – и того лучше. А уж видение, которое ты под конец насрал на зрителей...

– Да оставь. Поражмялся, не более того.

– Не прибедряйся. Кстати, поверни осьминога со своей стороны – подгорает...

Луна посеребрила волны и прибрежные дюны. Гора Омаэ была почти невидима в темноте, нависая где-то слева скрипучей, шелестящей громадой. На расчищенной площадке – не там, где происходило представление, а ниже, прямо на песке, – тлел небольшой костер, над которым Анук жарил на острых прутиках мидии и кусочки только что пойманного осьминога.

– А когда благородные гости отчалили восвояси, я было испугался, что тут заночует плотник со своей вонючей артелью. Им страшно не хотелось тащиться в деревню в темноте через дюны. Пришлось рассказать им пару историй о демонах... Хвала богам, что они оказались такими трусливыми и суеверными!

– Смертным свойственно бояться бесов, – философски заметил Сахемоти. – Ибо они невежественны, бестолковы и слабосильны.

– Но именно *здесь* нет никаких бесов! – невнятно отвечал Анук, силясь разжевать кусок пупырчатого щупальца осьминога. – Да бесы этот холм за десять ри стороной обходят!

– Смертные-то про это не знают.

Сахемоти полулежал по другую сторону костра, удобно опираясь локтем на свернутое одеяло. Из одежды на нем оставались только свободные черные штаны. Веки Сахемоти были полуопущены, на губах играла легкая улыбка. В руках он держал тыкву-горлянку с молодым вином, к которой время от времени прикладывался. Если бы Касима увидела его теперь, то наверняка решила бы, что ее первое впечатление было верным, и знаменитому актеру никак не больше двадцати пяти лет. Его роскошный черно-багровый театральный наряд висел на нижней ветке, слегка покачиваясь, словно крыло демона.

– Надо же было заказать такой дурацкий костюм! – сказал Сахемоти, с отвращением взглянув вверх. – Я в нем похож на злодея-соблазнителя из мещанского театра.

– А кто ты есть-то, как не злодей? – фыркнул Анук. – И как раз из театра.

– Я не злодей, а простофиля – потому что не надо было поручать это дело тебе, а потратить время самому и подыскать нечто менее вульгарное.

– Прекрати капризничать. Костюм роскошный. Я его выбирал как для себя, всю душу вложил!

– Можешь взять его себе и расхаживать, извергая молнии и гром.

– Ты сам придумал себе псевдоним, теперь страдай.

– Весьма удачный наряд, – заметил Кагеру, сидевший чуть поодаль. – Дамы были впечатлены. Особенно княгиня. Вам ведь это и надо было?

Никто из братьев не подал вида, что его услышал, и не повернулся в его сторону. Только взгляд Сахемоти стал чуть более задумчивым. Анук, не дождавшись от брата ответной реплики, рьяно принялся за еду. Он щедро солил золотистые куски осьминожьего мяса, с пылу, с жару кидал в рот мидии, закусывая свежими водорослями и запивая легким кисло-сладким вином с цветочным запахом.

Ветер к ночи совершенно стих. Маленькие волны с тихим плеском разбивались о берег, по морю от горизонта прямо к костру протянулась лунная дорожка. Вокруг костра вились редкие комары, в глубине бора стрекотали «сосновые жуки» – цикады.

– Скажи, старший брат, – откидываясь и поглаживая себя по животу, спросил Анук, – неужели с этой твоей театральной затеей все будет так просто, как ты врал княгине?

– Конечно, нет. Помимо обычных хлопот, нужны еще три абсолютно необходимые вещи, которых у меня нет, и откуда их взять, я даже не представляю. А без них ничего не получится. Но княгине об этом знать совершенно незачем.

– Какие три вещи?

Сахемоти посмотрел на него, прищурившись, словно прикидывал – а стоит ли говорить?

– Актер-напарник, – сказал он. – Маски по числу персонажей. И яшмовое зеркало.

– Ничего не понял. При чем тут актер? Ты же сказал, что наберешь и обучишь...

– ... музыкантов. И статистов-«невидимок», которые приносят и уносят реквизит. Но я не могу одновременно играть и рыбака, и царя-дракона. Не говоря уж о морской царевне. Так что, братец, нам понадобится второй актер. Причем...хм... такого же уровня мастерства, как и я.

– Да где я тебе его найду?! – возмутился Анук.

– А кто мне будет играть морскую царевну? Может, Кагеру?

– Давай я сам сыграю. У меня и внешность подходящая.

Сахемоти рассмеялся.

– Нет, младший брат. Дело тут не во внешности. Мы оба знаем, что ты не умеешь играть. У тебя что на душе, то и на лице. Ты не актер, и смиришься с этим.

Анук нахмурился, прикидывая, не оскорбиться ли.

– Ладно, допустим, – буркнул он. – Ну, с масками я еще могу понять. Правила, традиция, все такое. Но яшмовое зеркало-то тут при чем?

– Давай сменим тему, – предложил Сахемоти, незаметно поведя глазами в сторону Кагеру. Мокквисин сидел к костру боком и смотрел в другую сторону, но братья не сомневались, что он внимательно слушает. – Я выпил – и наговорил малость лишнего. А лучший способ сглазить новое дело – это разболтать о нем каждому встречному. Пусть всё идет своим чередом. В свое время я расскажу тебе и о масках, и о многом другом...

Сахемоти снял с огня унизанный мясом прутик и принялся за еду.

«Наговорил лишнего? Он? – подумал Кагеру и отвернулся от костра – главным образом, чтобы не видеть Анука. Отвратительная помесь человека и демона сожрала почти весь ужин и теперь сыто рыгала, разумеется, не предложив своему бывшему хозяину ни кусочка осьминожьего мяса. – Да Сахемоти скорее откусит себе язык, чем произнесет хоть одно слово просто так. Пусть меня заберут бесы, если я понял хоть что-нибудь. Похоже, мои мозги сгнили в Скорпионьей долине. Пьесу нашли и выбрали, согласие получили, вот уже и сцену строят, и актеров подбирают. А я так и не понял, зачем ему все это надо. Какой позор!»

Кагеру с удовольствием ушел бы подальше от осточертевших братьев, да и от этих насыщенных древними чарами развалин, в которых кто угодно, кроме тупоумных князей Касима, распознал бы святилище морского божества, – ушел бы, чтобы отдохнуть душой и поразмыслить в одиночестве. Но одна мысль о том, чтобы удалиться от открытого огня, да еще и ночью, леденила кровь в его жилах.

Несколько мгновений трое молча сидели у костра, слушая, как шипит капающий на раскаленные угли жир.

– А кстати, ты слышал, брат? – с воодушевлением заговорил Анук. – Эта зеленоглазая красотка-княгиня сказала давеча, что восстановили мой храм Слепящего Пламени под Асадалем!

Сахемоти ответил не сразу. Его прозрачные глаза, не мигая, смотрели в стрекочущую темноту соснового леса, словно видели там нечто недоступное человеческому взору.

– Помнишь, каким было это святилище полтысячи лет назад? – мечтательно произнес он. – Храм – пятьдесят локтей в ширину, тридцать в высоту, восемь ярусов крыши, и каждый

поддерживают лакированные колонны. Какие были праздники, какие толпы паломников! Дым курильниц, бой барабанов и звон гонгов, цветы, шествия...

– ...а помнишь, как ты тут явился на праздник Умиротворения Моря в облике белого дракона? Народ не мог успокоиться много месяцев...

Сахемоти нахмурился.

– Нет, – мрачно сказал он. – Не помню. Странно, Анук, я слушаю тебя, и мне кажется, что ты рассказываешь какие-то легенды, которые ко мне не имеют никакого отношения.

– Я – житель Земной Заводи, – пожал плечами Анук. – В Долине Высокого Неба не бывал, рассказываю то, что видел своими глазами... А прекрасную Аори ты не забыл?

– Это еще кто?

– Верховная жрица. Между прочим, твоя. Служила в этом самом святилище.

Сахемоти поднял глаза к усыпанному звездами небу.

– Тоже не помню, – сказал он после долгой паузы. – И что прекрасная Аори?..

– Редкостная была красавица, даже по тем благословенным временам. Кстати, наша княгиня на нее немного похожа. Однажды Аори куда-то внезапно и таинственно исчезла. Ты сам искал ее, но так и не нашел. Ух ты и злился...

Сахемоти рассмеялся, догадавшись, куда клонит огненный демон.

– Это ты ее украл?

– Не украл, а честно предложил ей бессмертие, – невозмутимо заявил Анук. – И неземное блаженство.

– И где она теперь?

– В аду, я полагаю. Она осмелилась отказаться от моего предложения и предпочла убежать с тем аристократишкой, поэтом, как его...

– И ты это так оставил? – скептически спросил Сахемоти. – Не верю.

Анук захихикал, вспоминая.

– Конечно, нет. Они не далеко убежали. Заблудились и заночевали посреди поля, в каком-то ветхом сарае. Кавалер запер в нем красавицу, а сам всю ночь провел у дверей на страже, с обнаженным мечом. То-то рифмоплету утром был сюрприз, когда он открыл дверь и никого там не обнаружил, кроме кучки окровавленных тряпок!

– Фи, братишка.

– Это не я. Стал бы я мारаться. Это всё голодные духи. То место было проклято... и надо же было им, бедолагам, угодить именно туда. Что за бес их попутал!

Вид у Анука при этом был страшно лицемерный. Сахемоти ухмыльнулся.

– Как ты еще молод, брат, что тебя забавляют подобные вещи! Говоришь, похожа на княгиню Касиму... Она, случайно, не ее прапрабабка?

Анук задумался.

– Верховная жрица, само собой, была из правящей семьи. Кто у нас тут правил пять веков назад... Хм, вполне возможно. Даже вполне вероятно... Забавное совпадение!

– Ты хоть понимаешь, брат, насколько важно и неслучайно это совпадение? – серьезно спросил Сахемоти.

– Я не вникал, – беспечно сказал Анук. – Ты у нас старший, тебе и решать, а мне просто не хочется забивать голову. Как скажешь, так и сделаю.

Сахемоти покачал головой.

– Из-за того, что ты носишь тело мальчишки, ты начинаешь вести себя, как ребенок. Неужели ты, повелитель огня, хочешь, чтобы я относился к тебе как к несмышленому младенцу?

Анук хлопнул себя по ляжке.

– Мне нравится это тело. Молодое, здоровое, красивое. И, что также приятно, я нравлюсь ему! Подтверди, мальчик!

И ответил сам себе, тем же голосом, но чуть изменив интонацию:

– О да! Я абсолютно счастлив! Носить в себе милостивого, могущественного бога, который щедро делится своей силой и бессмертием, словно с равным, – кто пожелает иной судьбы!

– Счастье или несчастье твоего нынешнего тела, брат, не имеет никакого значения, – холодно сказал Сахемоти.

– Мда? А Кагеру так не думает. Верно, мокквисин?

Кагеру, погруженный в свои мысли, вздрогнул и, не удержавшись, бросил на подростка ненавидящий взгляд. Анук перехватил его, и на его лице промелькнуло злорадство.

– Эй, мокквисин! Смотри, костер вот-вот погаснет. Пойди-ка набери сухих веток, да побольше.

Кагеру молча встал и ушел в темноту.

– Подальше, подальше! – крикнул ему вслед Анук, хохоча. – За холм!

– И как тебе не надоест над ним издеваться? – укоризненно сказал Сахемоти. – Ведь знаешь, как он страдает, удаляясь от огня. Еще заболит, и кто будет его лечить – ведь не ты? Оставь его в покое.

– Никогда! Ха, это только начало! Жду, не дожусь, когда он перестанет быть тебе нужен...

– Мелочная злопамятность – это человеческое чувство. Похоже, твое новое тело на тебя плохо влияет, – пошутил Сахемоти. – Кто мстит мокквисину – мой брат или юный ученик колдуна?

Добродушная шутка старшего брата неожиданно разозлила Анука. «Сколько можно меня поучать, словно я и вправду мальчишка! А я ведь ему равен, мы оба – боги! Точнее, были ими когда-то...» Через мгновение он сам удивился своей злости. В последние месяцы огненному демону порой казалось, что внутри него завелся противный внутренний голосок, словно червяк-древоточец в живом стволе. Голосок подсказывал ему глупые, мелочно-злые, завистливые и мстительные мысли, и бывший бог все чаще не успевал отделить их от собственных. «Что за ерунда насчет равенства? Не знаешь, так молчи! Мне ли не знать, из каких источников Сахемоти некогда черпал свою силу, сколь велико было его могущество по сравнению с моим ограниченным огненным даром!»

«Вот именно – было», – успел пропищать невидимый червяк.

Анук ужаснулся своим мыслям.

– Ты как всегда прав, старший брат, – сказал он вслух, чувствуя раскаяние и стыд. – Эй, мокквисин! Иди сюда, хватит шарить в темноте! Костер вовсе не догорает!

Вскоре беззвучно появился Кагеру с охапкой веток, сел на свое место, подбросил ветку в огонь. Смолистые ветки ярко вспыхнули, хвоя запылала огненными метелками. Сахемоти зевнул.

– Пойдем спать, Анук. Время давно за полночь. А то утром сюда рано явятся плотники и начнут стучать топорами...

Глава 9. Полет в преисподнюю

Братья-боги еще посидели у костра, лениво перебрасываясь репликами, а потом отправились устраиваться на ночь. Анук еще засветло натаскал сухих водорослей под корни самый большой сосны, по сторонам повесил циновки от ветра, и превратил нору в удобный летний шалаш. Кагеру, как всегда, остался дежурить у костра. Мокквисин мог часами сидеть, подкладывая в костер мелкие щепки и смотреть в огонь.

Луна поднималась все выше. С воды потянуло холодом. Цикады одна за другой умолкали. С холма прилетела ошалевшая ночная бабочка, заплескала над костром. Вспыхнули золотом белые крылья, словно цветок, подхваченный вихрем, и исчезли в пламени. Кагеру наблюдал за ней в полудреме. На миг ему почудилось, что это не бабочка, а стрекоза... Стрекоза? Ночью?

Кагеру мигнул. Откуда-то из прошлого явилось невероятно далекое воспоминание. Золотистая драконова стрекоза с радужными крыльями сидит на листе осоки – жвалы так и ходят из стороны в сторону, а маленький черноволосый мальчик не сводит с нее глаз, медленно заноса над ней соломенную шляпу...

– ... никогда не убивай стрекоз, Кагеру!

– Почему, мама?

– Есть поверье, что стрекоза уведет тебя в Донный мир.

– Как это – в Донный мир?

– Представь, что ты пошел играть в тростники Микавы и заблудился...навсегда.

– Как это – навсегда?

– Тем, кто попал в темную Страну Корней, где правит Праматерь, никогда не найти дороги назад. Кроме того, стрекоза – наш предок.

– О! Правда?!

– Взгляни на фамильный герб на моей черной парадной накидке. Когда ты станешь взрослым, ты тоже сможешь носить этот герб, чтобы стать таким же прекрасным, быстрым и безжалостным к своим врагам, как золотая стрекоза...

«Нет. Довольно!»

Кагеру крепко зажмурился и снова распахнул глаза, стараясь видеть только то, что существовало на самом деле – догорающие ветки, рдеющие угли костра.

«Того мальчика больше нет. Как нет и мокквисина, который охотился на древних демонов и богов, словно на лесных зверей. Я стал подобен собственной тени. Когда-то я был одним из самых могущественных людей Кирима. Пусть об этом мало кто знал – мне не нужна была огласка. Но теперь я потерял власть даже над собой. Это восстановленное магией тело дано мне под залог абсолютного повиновения. Да и тело, словно в насмешку – слабое, ущербное...».

Первые годы после воскрешения Кагеру были наполнены исключительно болью. А когда отступила боль, пришли холод и страх. Мокквисин, прежде никогда и ничего не боявшийся, содрогался при мысли о муках Преисподней Льда – одной из трех адских областей, посмертное путешествие в которую пообещал ему устроить Анук. Ледяной ад в ужасающих подробностях часто являлся ему в ночных кошмарах. Мысль о нем лишала Кагеру даже возможности самоубийства – он не хотел оказаться там раньше времени. Иногда ему казалось, что он уже там.

Неутолимая боль и страх адских мук капля за каплей подтачивали волю Кагеру и портили его нрав. Он стал раздражительным и сварливым, любая мелочь выводила его из себя. Мокквисин порой огрызался даже на Сахемоти. Он стал злопамятным, чего за ним раньше не водилось. Кагеру понимал, что это – признаки слабости. Раньше ничто внешнее его не беспокоило. Он спокойно и уверенно шел к своей цели, походя устраняя препятствия. Теперь у него отняли всё, а худшее ждало впереди. Скорее всего, – если не был пустышкой намек о награде, – вместе с завершением планов Сахемоти закончится и его вторая жизнь.

Что же затевает акулий бог? Зачем ему театр?

Кагеру прикрыл глаза и начал вспоминать, как мир медленно кружился вокруг танцующего Сахемоти под стук деревянных сандалий по дну котла, хлопанье и шелканье веера, а его мерный речитатив уводил души зрителей в тот мир, где киримские боги еще имели имена.

«Знание прошлого – пожалуй, единственный козырь Сахемоти, – размышлял Кагеру. – Если вдуматься, он в точно таком же положении, как и я. Показывать иллюзии, пугать и впечатлять – это всё, что ему сейчас по силам. А огненный демон в состоянии разве что поджечь сарай. Чего бы я хотел на месте Сахемоти? Это очевидно – вернуть себе хотя бы часть былых возможностей...»

Из темноты выпорхнула еще одна крупная ночная бабочка – и сразу же ринулась в костер. Долю мгновения было видно, как бьются в пламени ее пылающие крылья. Кагеру вспомнилось вечернее представление. Вот танцует Сахемоти – кажется, прямо в центре костра, – улыбается, взмахивая веером. Нет, он не похож горящую бабочку. Он – словно дух, пляшущий над равниной, где жгут погребальные костры.

Дух, живущий в огне...

Давно забытое лицо матери смотрит сквозь пламя – прямо из преисподней.

«Иди сюда, сынок!»

Глубоко вздохнув, Кагеру замедлил биение сердца, дождался появления очередной бабочки и соединил с ней сознание. В следующий миг она порхнула в пламя...

Тепло! Наконец-то по настоящему тепло! Мокквисина охватило чувство блаженства. Через мгновение тепло превратилось в обжигающий, невыносимый жар. Потом стало темно.

Кагеру падал сквозь непроглядный мрак. Он даже не мог сказать, жарко здесь или холодно, движется он или стоит на месте. Он подумал, что ему следовало бы испугаться. Но почему-то не испытывал страха...

– Итак, из трех преисподних – адского пламени, смертельного холода и бездонной грязи, – ты добровольно выбрал адский огонь.

Негромкий, смутно знакомый голос, казалось, раздался со всех сторон сразу. Возможно, он звучал прямо в голове Кагеру. Кто-нибудь из стражей преисподней?

– Чего ты хочешь? – требовательно спросил Голос.

– Я хочу найти источник силы.

– Здесь, в преисподней?

– А где же еще? Разве не здесь рождается огонь, на котором теперь держится моя жизнь? Невидимый страж в темноте молчал, очевидно, обдумывая слова Кагеру.

– Прежде чем возродиться в пламени, сначала надо стать пеплом. В общем-то, это путь не для человека...

– Но ведь были и исключения?

– Были, – признал Голос. – Человек способен пролезть куда угодно – особенно туда, куда ему не надо. Это не очень хорошая идея, мокквисин. Огонь – чуждый источник для смертного, он быстро разрушает его. Я понимаю твоё желание найти корень силы и освободиться. Но эта попытка может плохо для тебя закончиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.